

Хорхе Анхель ЛИВРАГА
Делия Стейнберг ГУСМАН

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Том 3

**Хорхе Анхель Ливрага
Делия Стейнберг Гусман
Сокровенный смысл жизни. Том 3
Серия «Библиотека «Нового Акрополя»»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4419055
Сокровенный смысл жизни. Сборник: Т. 3 / Пер. с исп.: Новый Акрополь; Москва; 2013
ISBN 978-5-91896-038-7*

Аннотация

В сборник вошли статьи и лекции, посвященные Философии в ее истинном значении – как любви к Мудрости. В них затрагиваются вопросы о прошлом и о будущем человечества, об истории великих цивилизаций, о законах Вселенной, о жизни и смерти и тайнах внутреннего мира человека. Такой подход дает авторам возможность выйти за пределы традиционно относимых к философии тем и вместе с читателем поразмышлять о человеке и его месте в мире.

Содержание

Об авторах	4
Идеалы тела и идеалы души	5
Х. А. Ливрага. Идеалы тела и идеалы души	6
Х. А. Ливрага. Материализм и идеализм	14
Х. А. Ливрага. Почему мы должны верить в Бога	21
Д. С. Гусман. Добро и зло	30
Д. С. Гусман. Новое и вечное	32
Х. А. Ливрага. Свобода внутренняя и внешняя	33
Х. А. Ливрага. Какие возможности я имею в жизни?	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хорхе Анхель Ливрага, Делия Стейнберг Гусман Сокровенный смысл жизни. Сборник: Т. 3

Об авторах

ХОРХЕ АНХЕЛЬ ЛИВРАГА (1930–1991), доктор философии Ацтекской академии искусства, науки и литературы, академик Международной Буркхардтовской академии Швейцарии, академический член Филовизантийского университета, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы, – основатель и первый президент Международной классической философской школы «Новый Акрополь», отделения которой в настоящее время работают более чем в пятидесяти странах.

Он автор множества работ в области философии культуры, среди которых «Лотос» (поэтические произведения), «Анкор-ученик» (роман), «Письма к Делии и Фернанду» (философия), «Алхимик (Что кроется за образом Джордано Бруно)», «Элементалы, духи Природы», «Театр Мистерий Древней Греции» и др. Все его труды переведены на многие языки. Значительную часть его наследия составляют статьи и публичные выступления в самых разных городах мира.

ДЕЛИЯ СТЕЙНБЕРГ ГУСМАН – философ, писатель, музыкант, лауреат многих музыкальных конкурсов, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы. Автор многих статей и книг, среди которых «Игры Майи», «Сегодня я увидела...», «Основы акропольского Идеала», «Мне сказали, что...», «Герой повседневности» и др. Ведет активную деятельность по организации международных музыкальных и литературных конкурсов.

После смерти Х. А. Ливраги Д. С. Гусман возглавила Международную классическую философскую школу «Новый Акрополь», продолжая культурно-просветительскую деятельность и читая в разных странах мира лекции по философии, философии истории, символизму древних культур, истории искусства, психологии, метафизической эстетике и т. д.

Х. А. Ливрага

Идеалы тела и идеалы души

Х. А. Ливрага. Идеалы тела и идеалы души

Лекция

Давайте попробуем на несколько минут забыть об окружающем нас мире – мире проектов, мире мнений, мире рекламы, который заставляет нас соответствовать заранее заданным представлениям и образцам. Я просто приглашаю вас стать философами и спросить у самих себя, спросить у Природы, что такое идеалы тела и что такое идеалы души.

В последнее время многие слова выхолащиваются, теряют смысл и точность. Сегодня порой приходится объяснять значение слов, хотя гораздо важнее чувствовать и проживать их.

Мы живем в мире, где все объясняют всё, где каждый человек пытается предложить нам решения, но при этом не задает вопросов. У каждого из нас, живущего здесь и сейчас, есть глубокая внутренняя потребность задавать главные вопросы. Кто я? Откуда пришел? Куда я иду? Что представляет собой окружающая нас Вселенная? Что побудило меня сегодня говорить с вами? И что заставило вас сегодня в некоторой степени пожертвовать собственным комфортом и прийти сюда, чтобы слушать меня?

С одной стороны, идеалы нашей души и идеалы тела противоположны, но с другой – они гармонично сочетаются. Нашему телу нужен определенный комфорт – например, чтобы было удобно говорить и слушать; но в то же время нам требуется определенный духовный дискомфорт, внутренняя неудовлетворенность – чтобы искать новое, чтобы искать решения в окружающем нас мире. Ведь мы полны вопросов, мы полны загадок, а вся Вселенная представляется нам бесконечной тайной.

Испокон веков люди пытались каким-то образом объяснить существование души и тела. В разные эпохи отношение к этим двум полюсам менялось, подобно колебанию маятника, и на первый план поочередно выходили то ценности мира души, то ценности физического тела. А как мы знаем, в самой глубокой древности люди всегда стремились не только к материальному благополучию, но и к духовному совершенству.

В древних философских школах Индии (например, Вайшешике, основанной Канадой, или школе йоги Патанджали); в далекие времена Шумерского царства, где в образах героев эпоса о Гильгамеше и его друге Энкиду воплотилась мечта о создании на земле лучшего мира; в далекой Америке, где рассказывают о пернатом человеке по имени Кецалькоатль, который спустился в подземное царство, чтобы отыскать главные истины и принести их людям, – везде и во все времена люди пытались понять, что относится к телу, а что к душе. Понять, является ли Вселенная просто механизмом или есть нечто, придающее смысл нашему существованию.

И вот теперь, по прошествии тысячелетий, давайте в глубине своего сердца снова спросим себя: действительно ли существуют душа и тело? В одни периоды истории человечество сомневалось в существовании тела, в другие подвергало сомнению существование души. Конечно, невозможно в одной лекции дать представление обо всех идеях, положениях, выводах, вопросах, загадках, которые волновали человека тысячелетиями. Но мы можем обратиться, например, к философским течениям Востока, которые отрицали существование тела. Сегодня нам не понятно, как можно отрицать существование тела. Однако в Индии, согласно учениям о Майе, Иллюзии, считалось, что тела на самом деле нет, поскольку оно недолговечно.

Вырезанное из камня изображение ацтекского божества Кецалькоатля. 1450–1500

Разве все окружающее, в том числе само наше тело, разные предметы, например статуя, существовали всегда? Нет. Они будут существовать бесконечно? Нет, они погибнут или сломаются, сколь бы тщательно мы за ними ни ухаживали. В данном случае мы говорим об условном существовании, которое не длится вечно и подвластно времени.

Стены этого зала и в самом деле материальны, физически ощутимы... но только для моей физической, материальной руки. С основания мира известно, что есть особые силы – древние говорили о «духовных флюидах», энергетических элементах космоса, сегодня мы говорим об электромагнитных волнах Герца или о катодных лучах – силы, способные проникать сквозь твердые предметы; и для них всё является не таким, каким для нас. Так, в мире, созданном из масла, удар, нанесенный предметом, также сделанным из масла, показался бы чем-то плотным, твердым. Точно так же и все, что нас окружает в нашем мире, обладающем материальной структурой, покажется нам плотным, твердым, если мы будем считать себя исключительно материальными существами. Но если бы мы могли хоть на минуту остаться одни в тишине, мы услышали бы поскрипывание мебели в комнате, шуршание обоев и ста-

рых картин... Все проходит, все старится, разрушается, превращается в пыль. И из той же самой пыли созданы все предметы.

Тогда где предел реальности существования? Античные философы спрашивали: до какой степени существует тело? А еще до греков философы Индии создали теорию Майи, или Иллюзии, и эта теория гласит, что бессмысленно привязываться к материальным вещам. Платон, справедливо названный божественным, говорил, что существование человека, очень привязанного внутренне к деревянному стулу, продлится ровно столько же, сколько существует этот стул. Иначе говоря, человек, который привязан к чему-то преходящему, чувствует, что он уходит, ускользает вслед за этим преходящим.

Представители других течений не говорят о том, что материи не существует, напротив, они полагают, что не существует ни души, ни духа. Это современные течения материалистического толка, которые утверждают, что единственная реальность – это материя, что душа, да и все духовное, придумана людьми. Иными словами, человек, охваченный экзистенциальной тоской, зная, что он смертен, что он должен жить в страданиях, бороться с себе подобными и с окружающим миром за выживание, в утешение себе создал идею души, в том числе и идею рая в ином мире, идею перевоплощения, то есть возможности жить снова, уже в лучших условиях.

Обе эти позиции кажутся противоположными. Одни относятся с пренебрежением к материи, считая, что в действительности ее не существует, что она буквально рассыпается у нас в руках, а единственное, что существует, – это Дух, это Бог, это душа. Другие утверждают, что существует только материя, а дух для них – это запретная тема, которую они боятся затрагивать глубоко, опасаясь, что их теория рухнет, или же всего лишь средство для эксплуатации народа церковниками, или попытка избежать страха перед исчезновением. Но было бы неплохо задуматься: а может быть, существует еще одна точка зрения? Ведь мы, философы, как и предполагает само это слово, стремимся найти Истину, где бы она ни находилась.

Как обычно представляют себе философа? Это человек, постоянно изъясняющийся сложными терминами, начитанный, способный часами рассуждать о Платоне, Аристотеле, Канте, Шопенгауэре, Ницше и так далее. Он немного не от мира сего, витает в облаках, всегда ходит с книгами под мышкой, его образ жизни весьма странен и далек от всего человеческого... Но это ложное представление о философе, это образ философа, охваченного экзистенциальной тоской.

Истинный философ, ощущающий в душе тягу к Философии, – это деятельный человек, искатель, который не ограничивается внешними представлениями и искренне готов пожертвовать ими ради внутреннего поиска; он уважает всё, что когда-либо было высказано или найдено другими людьми. Но он также открыт Природе и окружающему миру и благодаря этому искренне стремится сам найти Истину.

Мы во многом утратили искренность и чистоту, столь важные для понимания этой темы. Чтобы научиться слышать Природу и понимать ее язык, намного важнее вновь вернуться к естественному, исконному состоянию нашего бытия, нежели читать множество книг или слушать лекции. Все знают, что осенью опадают листья. Они падали прошлой осенью и будут падать следующей. Но каждый лист, сорванный ветром с веточки дерева и упавший на улицу нашего города, – неповторимое, уникальное явление. Это явление красиво и непостижимо, и тот, кто станет его свидетелем, сможет единственный раз в жизни воспринять это чудо во всех его оттенках.

Нам следует научиться различать то, что важно, значимо, и то, что, может быть, на первый взгляд кажется незначительным, но в то же время почему-то трогает нас. Сейчас, в эту минуту, мы вместе размышляем об идеалах души и об идеалах тела. Возможно, вы раньше уже слушали другие мои лекции или читали мои статьи и, возможно, потом будете слушать

мои выступления на другие темы. Но сегодняшний день – единственный и неповторимый, это мгновение уникально.

И даже если мы не придаем значения этому событию, оно в некотором роде очень важно: только сегодня мы можем получить именно такой и никакой другой опыт. Хотим мы того или нет, но когда сегодняшний вечер закончится и мы расстанемся, мы будем уже не такими, как сейчас, – станем ли мы лучше или хуже, я не знаю, но мы изменимся, ведь в любом случае мы унесем с собой что-то, чего до сих пор не имели: вы – мои слова, а я – ваши лица.

А сейчас давайте вернемся к основной теме нашего обсуждения, но поговорим о ней гораздо проще и искреннее. Ведь настоящего философа – и я настаиваю на этом – отличает отнюдь не хорошо подвешенный язык, а умение открыто и искренне общаться, именно оно позволяет каждому из нас раскрыть в себе философа, ибо все мы в той или иной степени им являемся.

Материализм, и прежде всего материализм посткартезианской эпохи, разделил науку, религию, политику и искусство. Человечество создало настоящие «племена» со своими «тотемами» и «табу»: писатели объединяются только с писателями, военные – с военными, а музыканты – с музыкантами. И сегодня очень мало мужчин и женщин живет гуманистическими идеями, пытается охватить различные области знания.

Поэтому в современном мире произошел настоящий взрыв разобщенности между людьми. Еще до того, как мы расщепили атом, такой же процесс произошел с нами. Мы «расщепили» человечество. Сегодня люди далеки друг от друга. В наши дни звучит музыка, которая не несет абсолютно ничего. Чему она посвящена? Что означает? Это знает лишь сам композитор да немногие из тех, кто его окружает. Писатель употребляет сложнейшие слова, создавая совершенно неестественные литературные феномены, – вероятно, он объяснит их смысл своим друзьям или коллегам за чашкой кофе, но мы, читая его статью, ломаем голову, пытаюсь понять, что же все это значит. И то же самое происходит в политике: политические деятели говорят о том, чего мы не понимаем, и дают обещания, которые не выполняют. В результате всего этого в наши сердца постепенно закрадывается холод и мы чувствуем себя все более одинокими.

Ведь если я вижу картину или слушаю музыку, но не понимаю их смысла; если политик говорит мне об административных вопросах, а не о Политике, то есть искусстве вести народы; если я прихожу к священнику, а он рассказывает мне не о бессмертии души, а об экономических проблемах, – конечно, я начинаю чувствовать себя одиноким, изолированным, отделенным от других людей. И в итоге мы предпочитаем в одиночестве смотреть телевизор, читать газеты или журналы, погружившись в свои мысли и проблемы. И даже если общаемся друг с другом, наш разговор, скорее, напоминает монолог, а не диалог.

Именно поэтому лично я уже почти разуверился в возможности диалога сегодня – диалога даже в самых простых ситуациях. Когда встречаются два друга, один говорит: «Привет! Как живешь? Знаешь, мне только что вырвали зуб – больно было ужасно!» А другой отвечает: «Да, помню, год назад мне тоже вырвали зуб...» – и далее о своих трудностях. Или такой разговор: «Знаешь, я так здорово провел отпуск! Я был в Греции на Кикладах...» – «Ух ты! А вот я четыре года назад был в Мексике, посетил Теотиуакан...»

Каждый привык говорить только о своем опыте, только о самом себе, не проявляя человеческого участия к другим. В этом бесконечном монологе нет диалога, нам неинтересны люди, с которыми нас сталкивает жизнь, а мы, в свою очередь, неинтересны им. Даже когда мы собираемся вместе, настоящей встречи не происходит. Наши предки жили не в такой спешке, они не знали всех наших условностей, и у них было больше общего со своими соседями, они умели заботиться о тех, с кем их что-то связывало; им хватало времени, чтобы собираться в светских салонах или у семейного очага. И хотя у нас столько средств комму-

никации, мы используем их лишь для того, чтобы полюбопытствовать, что же происходит в мире, не принимая все это близко к сердцу. За ужином мы слушаем или читаем новости: «Во время происшествия неизвестный мужчина героически спас ребенка» или «На такой-то войне погибла тысяча человек». Но слушаем мы все это из чистого любопытства, как будто у нас иммунитет против переживаний других людей и страданий Природы. Мы подходим ко всему исключительно практично, утилитарно.

Вы можете возразить мне, что утилитаризм, практичность свойственны всей Природе: все живые существа стремятся быть кому-то полезными, все живое постоянно движется – и даже то, что мы живым не считаем. Так почему бы нам не поговорить о чем-то более простом, о том, что мы не всегда замечаем? Сколько раз мы видели, как муравьи один за другим что-то тащат. Сколько раз мы видели, как пчелы собирают мед или как весной на деревьях распускаются почки. Все постоянно что-то делают, всё находится в движении. Но куда всё движется и ради чего?

Давайте зададим себе важнейшие вопросы: почему прорастают семена? почему звезды перемещаются по небу? почему движутся микробы? почему дует ветер? почему медленно падают листья? кто она, Природа, давшая семенам некоторых деревьев крылья, похожие на лопасти вертолета, благодаря которым семена улетают далеко от дерева-родителя? кто она, Природа, расположившая дыхательные поры листьев внизу, чтобы пыль не затрудняла им жизнь? наконец, кто она, Природа, наделившая цветы ароматом и разными оттенками, чтобы к ним прилетали пчелы и опыляли их?

Материализм пытался объяснить эти явления реакцией на окружающую среду, но современные исследования показали, что все не так просто. Например, Пикар, сконструировавший батискаф, и другие ученые, погружавшиеся в океанские глубины на тысячи метров, обнаружили новые виды фосфоресцирующих рыб, рыб со светящимися органами над глазами. Это свечение позволяет им видеть в полной темноте, добывать пищу и привлекать особей противоположного пола. Некоторые бабочки, сев на ветку, расправляют крылья с узором, похожим на глаза совы, который отпугивает птиц. Бабочка, крошечное существо, насекомое из отряда чешуекрылых, не имеющее ни сложной нервной системы, ни головного мозга, – как она могла придумать, что птиц можно отпугивать, нарисовав на своих крыльях глаза совы? Можем ли мы согласиться с тем, что живущие во мраке примитивные рыбы, лишённые, в нашем понимании, малейших проявлений разума, смогли самостоятельно изобрести светящиеся элементы, для того чтобы плавать в безопасности и привлекать других рыб? Можем ли мы допустить даже мысль о том, что маленькие семена, не имеющие вообще ничего и представляющие собой лишь растительные волокна, додумались создать себе крылья, чтобы, вращаясь, перелетать на большие расстояния? Нет. С точки зрения здравого смысла, конечно нет. Могли ли семена сами изобрести крылья, по аналогии с которыми сейчас строятся вертолеты? Или, может быть, растения, лишённые нервной системы, сами расположили свои дыхательные поры с внутренней стороны листа или сами изобрели фотосинтез?

Очевидно, что за всем этим, за всем, что мы называем «идеалами тела»: способностью охотиться, питаться, выживать, плавать, летать, ходить, – существует нечто более высокое, существуют идеалы чего-то, что превосходит это тело. Именно эти идеалы мы называем идеалами души. Слово «душа», греческое по происхождению, означает и символизирует оживление, одушевление, то есть нечто дающее жизнь. Действительно, это слово – точнейшее определение того, что одушевляет, дает жизнь, того, что придает всему смысл. Вспомните деревья, уходящие корнями глубоко в землю и благодаря этому противостоящие ветрам, – они не составляют архитектурного проекта для своих корней. Существует Нечто, спроектировавшее крылья бабочек, Нечто, позволяющее выживать и размножаться микробам, крошечным формам жизни. Это Нечто обучило маленькие клеточки делению, и не мы изобрели

этот процесс, мы просто обнаружили его в природе. Нечто научило жирные кислоты определенным образом вести себя внутри организма, а нервные пути – образовать сеть, связывающую мозг с телом. И потому это Нечто, спроектировавшее все вещи, Нечто, придавшее сферическую форму мирам, потому что она дает оптимальное соотношение между объемом и площадью, это Нечто мы назовем Душой, назовем Духом. Душа и Дух должны находиться и в нас самих, ведь мы тоже являемся частью Природы.

Итак, идеалы тела – идеалы прежде всего технические. Крылья птиц тщательно продуманы и созданы весьма искусно и изящно; об окрасе крыльев бабочки я уже говорил; насекомые в зависимости от окружающей среды становятся желтыми или зелеными и так маскируются, защищаясь от врагов... Все это рассказывает нам об идеалах тела. Но для чего все это? Несомненно, для чего-то большего, нежели тело.

Очевидно, что Природа – великий эконом; экономику не человек изобрел. Не обязательно помнить законы Лавуазье, чтобы понять, что в Природе ничто не исчезает, все преобразуется, и существуют естественные, глубоко продуманные циклы. Представьте себе грандиозный всеобъемлющий план, которому в целом следует вся материя. Возможно, нам будет легче увидеть его, если мы вспомним осенние листья – они опадают, перестают быть листьями, чтобы перейти в новое состояние, превратиться в удобрение, которое усвоит почва и, став плодородной, будет ждать следующего цикла, следующей весны. Все эти циклы продумал Вселенский Разум, который управляет всем и всеми. И поскольку мы являемся частью Вселенной, которую задумал и которой управляет этот Вселенский Разум, его влияние должно распространяться и на нашу жизнь. Наше тело движется, сохраняет определенную температуру и форму, потому что в нем есть нечто, что побуждает его к этому. Словно в подтверждение этого, когда мы умираем, наше тело распадается на первоначальные составляющие, из которых оно возникло, разлагается, теряет свою форму – другими словами, теряет то, что обеспечивало его существование, придавало ему смысл.

Тогда что же такое идеал тела? Это возможность служить проявлением чего-то превосходящего само это тело. Было бы крайне сложно объяснить смысл существования нервной системы одними лишь физическими потребностями организма: принятием пищи, выделением или размножением. Разумеется, в нас вложено гораздо больше сил и энергии и нам дано гораздо больше инструментов, которые служат не только для выполнения физических функций. Даже напротив, иногда наши действия становятся разрушительными для тела. Кто из нас в своих мыслях, в воображении, фантазиях не представлял себя больным или не ощущал тревоги? Если бы сейчас мы обсуждали что-то очень холодное или, наоборот, очень горячее, у одних вспотели бы руки, другие были бы взволнованы, не смогли бы сидеть спокойно и непроизвольно сжимали бы и разжимали руки, чтобы согреться. Конечно же, существует психическая жизнь, жизнь невидимая, внутренняя, которая отражается на окружающем мире. Мы считаем, что то, что находится в нашем внутреннем мире, предшествует физическому проявлению и продолжает существовать после него, и более того, оно важнее, чем само физическое.

Я говорю не о том, что тело как таковое не имеет значения. Нет, речь не об этом. И тело, и его идеалы важны, но они подчинены душе, подчинены интересам и идеалам души.

Идеалы тела – это *количество*, а идеалы души – *качество*. Те, у кого преобладают идеалы тела, хотят иметь много вещей; те же, у кого сильнее идеалы души, напротив, подбирают вещи для того, чтобы удовлетворить свои внутренние потребности. Многим людям приятнее любоваться прекрасной картиной, чем есть бутерброд; многие готовы пожертвовать обедом с другом, чтобы посетить новую экспозицию в музее Прадо. Почти все люди, каждый на своем уровне, в той или иной мере жертвуют чем-то материальным в пользу духовного. Не всем должно нравиться одно и то же, и думать иначе (я настаиваю на этом) – ошибка современной материалистической цивилизации. Она разделила людей на «племена». Например,

любители живописи идут в музей Прадо смотреть новую экспозицию художников эпохи Возрождения. Если они увидят картины художника, который им не нравится, то скажут: «Какое бескультурье! Как подобное могло появиться в музее Прадо?» А есть люди, которые даже не имеют представления ни о чем подобном, но, возможно, знают, какой концерт проходил недавно или какая вышла книга, или знают, когда зайдет солнце, куда течет река, или разбираются в боевых искусствах, или коллекционируют марки, или увлекаются поэзией, или заботятся о своей семье, о своих детях... И это тоже идеалы, и никаким из них нельзя пренебрегать, ведь в противном случае мы будем разобщены, разъединены и создадим мир раздора и насилия.

Нужно понимать, что наш мир пребывает в кризисе. Отдавая слишком большое предпочтение материальным ценностям, мы превращаемся в подобие стаи волков, которые набрасываются друг на друга, пытаются отобрать добычу.

Нам следует осознать, что при таком отношении к качествам души мы не только теряем культуру, но сама жизнь уходит от нас. Причем не только наша собственная жизнь, но и жизнь тех, кого мы любим, жизнь наших сыновей, родителей, друзей, жизнь будущих поколений, детей, которых когда-нибудь будут качать в пока еще пустых колыбелях. Мы теряем будущее самого человечества.

Человек вырос, поднялся; человек возвел искусственные горы; человек осушил реки и вновь наполнил их; человек построил водохранилища, пересек океаны, высадился на Луне, связал воедино континенты – потому что обладал духовной силой, жаждой приключений. Именно она заставила человека вопреки комфорту, удобству покинуть насиженное место и направила его к Тайне, к Будущему, к чему-то лучшему, к чему-то неведомому.

И если мы потеряем эту вертикальную, устремленную ввысь силу души, если мы потеряем возможность выражать через идеалы тела идеалы нашей души, мы потеряем самих себя. Нам следует усилить и укрепить эту внутреннюю часть нас самих. Не нужно становиться неким высшим существом или особо важной персоной, нужно быть человеком глубоко чувствующим и понимающим, что такое жизнь и как ему жить. Каждый мужчина и каждая женщина могут открыть свои скрытые способности. Зачастую мы не используем все возможности нашей памяти. Часто мы не знаем, откуда приходят внезапные интуитивные озарения – например, когда мы подумали о ком-то и сразу же встретили его на улице. Мы не охвачены стремлением всерьез узнать тайны собственной жизни и окружающего нас мира – узнать, откуда мы пришли, кто мы, куда идем. Жили ли мы на этой Земле раньше, и вернемся ли мы сюда снова? Уходим ли мы, когда умираем, в более тонкий мир, или мы вообще никуда не уходим?

Эти вопросы очень важны, они волнуют нас больше всего. Мы должны исследовать и читать, изучать и сопоставлять различные формы религии и мистики, чтобы понять, что ощущали люди, оставившие после себя монументальные труды, чтобы понять, что вдохновляло людей проводить жизнь в смирении, святости и доброте, чтобы понять тех, кто учит нас подставлять правую щеку, если нас ударили по левой. Все эти действия намного превосходят и человеческие, и животные инстинкты.

Поднявшись над различиями наших характеров, различиями между поколениями, различиями в пространстве и во времени, надо попытаться сплотить тех, кто чувствует и понимает все это. Нам надо попытаться объединить наши сердца в совместном поиске и взаимопонимании.

Разве можно, дорогие друзья, чтобы преступники и воры превосходили нас в организованности и способности жить в согласии? Ведь они объединяются между собой и, как правило, не выдают своих в случае опасности. Они способны хранить верность. Неужели всю верность, всю преданность сегодня присвоили себе воры? Неужели в способности объединяться мы уступим тем, кто торгует людьми или продает наркотики?

Идеалисты, философы, художники, ученые – все, кто хочет нового и лучшего мира, все мы должны обладать еще большей способностью объединяться и создавать прочные узы. Наша акропольская философия предлагает не только этот поиск, не только решение личных вопросов, но и формирование нового типа людей, нового образа мыслей, который позволил бы создать новую Науку, новое Искусство, новую Политику, привести к новому Существованию.

Новое сосуществование, новая политика, новый образ мышления, чувство мистического – мы ни в коем случае не можем утратить всего этого, как бы оно ни называлось и в какой бы форме ни проявлялось, главное чтобы оно было наполнено глубоким содержанием. И тогда однажды зимним вечером, встав на колени в снегу, мы вдруг сможем почувствовать Бога. Нам важно обладать упорством и стойкостью, присущей материальным вещам. Если взять камень и подбросить его вверх, он неизбежно вернется к своей матери-земле, от которой улетел. Так почему же наша душа утратила способность возвращаться к своему отцу Богу с такой же естественностью?

Чтобы быть мистиком, идеалистом, не нужно никаких особых условий, нужно просто быть естественным, нужно встретиться с самим собой и научиться выражать то, что живет в нас. И поэтому «Новый Акрополь», который мы вам предлагаем, – это новый Верхний Город. Это не религиозная секта, не политическая организация. Это человеческий и чисто человеческий подход к жизни для новых людей, которые хотят по-настоящему жить в этом мире, жить настоящей внутренней жизнью, преодолеть границы смерти, познать суть вещей; для тех, кто способен любоваться цветами, течением реки, полетом бабочки; кто умеет ценить своих друзей и видеть в маленьких детях надежду для будущего; кто не будет плакать навзрыд по покинувшему эту жизнь, но будет способен понять неизбежный, неумолимый Закон, который ведет нас сквозь Время. В конце концов, для тех людей, которые способны испытывать священный трепет перед величием гор или петь от радости на восходе солнца... Для мужчин и женщин, которые могут идти соединив руки, не опасаясь нападков и не зная усталости. Для всех, кто стремится только Вверх и Вперед!

Мадрид, 1976 г.

Х. А. Ливрага. Материализм и идеализм

Лекция

Делия Стейнберг Гусман (Д.С.Г.): Наш первый вопрос очень прост и подсказан названием темы, которую Вы выбрали для беседы. Материализм и идеализм. Считаете ли Вы, что это противоположные понятия?

Хорхе Анхель Ливрага (Х.А.Л.): Сначала нам надо хотя бы кратко определить, что такое идея и что такое материя.

Дать определение материи непросто. Еще древнегреческие философы отмечали, насколько трудно сказать, что же на самом деле является материей. Мы, например, называем материей эту стену. Но ведь воспринимаем мы не стену – мы воспринимаем ее отражение внутри нас. Поэтому древние говорили о субъективном восприятии (*natura naturans*) и указывали на наложение субъективного на объективное посредством ряда свойств, которые трансформируют это объективное (*natura naturata*). И также с самой глубокой древности и до сих пор нам трудно точно определить, что такое дух и что такое идеализм. Потому что понятие *идея* произошло от греческого *noûs*, а оно еще труднее для восприятия; в определенном смысле *noûs* ассоциируется с «я сам». Поэтому некоторые философские течения пришли к отрицанию всего, что не есть «я сам»; иначе говоря, все, что не соприкасается с нашим Я, все, что ему не принадлежит, они считают не-бытием. Такой подход встречается у западных нигилистов, а также в восточной философии, когда речь идет о Майе, Иллюзии.

Впрочем, поиск определения материи и идеи мы встречаем не только у греков, но и в Индии – в школах *пракрити* и *пуруши*. Школы *пракрити* берут за основу материю, а школы *пуруши* — «универсальный дух», или пурушу.

Кант, пожалуй, больше всех преуспел в попытке определить взаимоотношения материи и духа; он провел различие между ними, сопоставив первый с субстанцией, а второй – с феноменом, взяв за основу связь с Богом; с его точки зрения, сама по себе субстанция не порождает феномен, но феномен является результатом взаимодействия с субстанцией, то есть взаимодействия между внешним и Я.

Д.С.Г.: Вы рассказали нам, что понимается под материей и идеей. Но нам бы хотелось узнать, изменились ли эти понятия со временем. Уточню свой вопрос: понимали ли древние под материализмом то же, что и мы? А когда они говорили об идеализме, они подразумевали то же самое, что и мы?

Х.А.Л.: Разумеется, нет. Например, Демокрита можно считать материалистом древности. Он исходил из атомистической теории, то есть говорил об *a-tomos* — о том, что неделимо. Тем не менее, эти атомы Демокрита (это сущее, существующее, но сказать, что это существо, нельзя) не исключали представления о религиозности, о том, что есть Нечто выходящее за пределы материи.

То же самое с идеалистами. Например, когда Платон говорил о *noûs* и утверждал приоритет идеи над материей, архетипов – над проявленной формой, он не отвергал при этом необходимости существования множественности вещей. Древние могли быть материалистами, могли быть идеалистами, но они допускали, что есть люди, которые думают не так, как они.

С течением времени, уже после Декарта, после механики Гегеля, появляется марксистский (или диалектический) материализм и возникает абсолютное противостояние того, что мы сейчас понимаем под материализмом и идеализмом. Уже нет точек соприкосновения, нет

возможности сосуществования. Доведенный до предела дуализм стал дуализмом абсолютным. Люди относят себя либо к материалистам, либо к идеалистам.

Откровенно говоря, я полагаю, что со времен Древней Греции эти понятия существенно изменились. Обывательские взгляды и рассуждения – те, что в ходу на улицах, полностью отличаются от представлений, которые могли иметь философы древности. Сегодня мы скатились до псевдоабсолютного материализма и идеализма.

Д.С.Г.: Вы говорите, что мы живем в мире псевдоабсолютов. С какими трудностями сталкивается человек, который существует в атмосфере всеобщего материализма, или, говоря по-другому, считает материализм единственным способом восприятия жизни?

Х.А.Л.: Такое восприятие мира создает множество трудностей. Материя действует по законам механики и обладает определенными свойствами (размер, объем, вес и так далее), которые также подчиняются законам механики. И главная проблема состоит в том, что эти законы переносятся на всю картину мира, все воспринимается механистически. В результате механистическое видение мира перерастает и в механистическую, эгоистичную мораль – в индивидуальный эгоизм, эгоизм группы людей или эгоизм на массовом уровне. Эгоист-индивидуалист – это мещанин, буржуа, для которого важен только он сам; но также это и марксист, которого интересует лишь один социальный класс, определенная каста людей, а существование остальных людей для него не имеет никакого значения. И то и другое – разные формы эгоизма. Почему? Потому что в их основе лежит механистический подход к жизни, который рождается из свойств материи.

Д.С.Г.: Давайте рассмотрим другой псевдоабсолют. Допустим, мы встречаемся с людьми, которые считают идеализм единственным возможным подходом к жизни. В чем сложности видения жизни исключительно с идеалистической точки зрения?

Х.А.Л.: Основная трудность, которая возникает, когда мир воспринимается лишь идеалистически, – это субъективизм. Это еще одна форма эгоизма.

Предположим, человек говорит, что он хочет медитировать, читать, рисовать или созерцать лишь то, что ему нравится. Такому человеку не важен остальной мир, а важен только он сам, или то, что «внутри» него, или его слияние с Богом... И так от утверждения «Бог есть во всем» он приходит к позиции «Бог способствует всему», а затем и к квиетизму, к своего рода псевдофилософской глупости – примером ее могут быть те индусы, которые говорят: «Ну что ж, если этот пария (парии – одна из неприкасаемых каст в Южной Индии. – *Прим. ред.*) умирает с голоду, значит, так хочет его карма».

Слишком превозносить псевдодуховное, ставить его выше всего человеческого, выше всего естественного – это лишь очередная форма эгоизма и обмана. В этом случае «духовный» человек живет в своем духовном мире, в своей собственной нирване мира и покоя, где ничто его не заботит, ничто не побуждает к действию... Но так ли это? На самом деле его заботит это самое «ничто», его собственная нирвана.

Если я знаю, что миллиард человек умирает сегодня с голоду; знаю, что еще миллиард недоедает, живет в бедности, не может найти постоянную работу, – в чем величие того, что я сажусь на пол, скрещиваю ноги в *падмасане* и произношу: «*Аум, я есть всё, ничто меня не трогает, ничто не возмущает*»? Конечно, можно сказать, что боль бедных или голодных – иллюзия, майя, но хотел бы я посмотреть, как кто-либо из таких созерцателей, получив хороший удар по ноге, начал бы медитировать, что всё – иллюзия? Как правило, иллюзией считают то, что касается других. Про войну, разрушения или землетрясение говорят: «На то Воля Божья», «Значит, Бог пожелал, чтобы умерло десять или двадцать тысяч человек». Но

когда что-то касается нас, когда у нас на улице украдут даже несколько монет, мы приходим домой в слезах, и это нас уже очень и очень заботит.

Мне кажется, что многое в этой ультрадуховности является ложным и таким же негативным, как и в материализме.

Д.С.Г.: Много раз в своих беседах, письмах и статьях Вы ясно даете понять, что Ваша позиция нематериалистическая, что Вы считаете себя философом не-материалистом. Довольно часто звучит вопрос: почему «Новый Акрополь» противостоит материализму?

Х.А.Л.: Это очень легкий вопрос. Представим, что в одну дверь входит лев, а в другую – собака. Я вынужден буду противостоять большей опасности, повернуться лицом к тому, кто представляет реальную опасность. Собака, может быть, меня и не укусит – вдруг она просто хочет меня обнюхать или познакомиться со мной? Но если на меня прыгнет лев, он точно меня съест.

Так и «Новый Акрополь» – он противостоит материализму не потому, что мы являемся школой для идеалистов-утопистов, экзальтированных людей, и не потому, что мы не осознаем необходимость существования материального мира. Просто мы повернулись лицом к большему из зол. Потому что среди этих двух зол есть одно, ближайшее и реальное, которое уже поглотило половину мира, которое превратило больше половины человечества в атеистов, – это материализм, особенно диалектический. Мы не воюем с диалектическим материализмом, мы противостоям ему; но противостоям не материализму как таковому, а тому, к чему он ведет, тому, что он пробуждает в людях. Мы также против обывательского материализма; сам по себе он особого значения не имеет, но он порождает в людях эгоизм, совершенно антифилософский.

И потому мы не противостоям ультрадуховности. Не представляют никакой опасности для мира две, три, четыре или сколько угодно тысяч человек, которые сидят в падмасане перед ароматической палочкой и утверждают: «Мы все устроим, создав ментальную форму». Совершенно очевидно, что это не повлияет на ход истории. Но то, что во власти материализма (капиталистического или коммунистического) находятся огромные силы, в том числе ядерные боеголовки, – влияет очень сильно. Это реальность, это происходит здесь и сейчас и касается каждого из нас.

Вот почему «Акрополь» противостоит прежде всего ультраматериализму, а не ультрадуховности, которая не представляет реальной опасности.

Д. С.Г.: Можем ли мы из Ваших слов сделать вывод, что «Новый Акрополь» – школа исключительно идеалистическая? Иначе говоря, она предлагает жить только в мире идей?

Х.А.Л.: «Акрополь» – идеалистическая школа, но не в том смысле, о котором мы только что говорили. Она идеалистична не в том значении, как у тех ультраидеалистов, которые стремятся к противопоставлению духа-идеи и материи.

Мы считаем, что существует нечто Единое, в котором соединяются и материальное, и психологическое, и ментальное, и духовное и так далее. Мы верим в универсальную концепцию жизни, о которой говорил Платон. Мы считаем, что жизнь можно воспринимать с разных точек зрения. Художник вполне может интересоваться политикой, а политику вовсе не обязательно быть чуждым науке. Мы считаем, что человек интересуется всем, что один и тот же человек может ухаживать за аквариумными рыбками, руководить крупным предприятием и играть на скрипке. Ничто не препятствует тому, чтобы человек был развит разносторонне. Мы не смотрим на человека как на какую-то деталь механизма, как на всего лишь

очередной винтик; мы воспринимаем человека во всем его величии, во всем его могуществе и верим в его возможность многое осуществить за свою жизнь – человек многогранен.

Итак, если требуется, чтобы мы дали себе определение, я, конечно, не могу сказать просто: «Мы акропольцы» (сразу последует вопрос: «А что это значит?»), и поэтому мы говорим, что мы идеалисты. Но я бы еще пояснил, что наш идеализм не является чем-то абстрактным, непрактичным, далеким от мира или малодушным; мы имеем в виду идеализм в более широком смысле – когда духовное имеет приоритет перед материальным. Но это не означает, что материальное не признается вообще.

Есть и духовное, и материальное, и все существует внутри великого таинства, которое можно назвать Богом. Мы считаем, что человек нуждается не только в торговле, сексе, еде, сне и т. п. Человеку нужен дом, нужна возможность встретиться с самим собой, нужны друзья, те, кому можно доверять, нужно немного любви, немного славы и немного достоинства.

Такова в общих чертах концепция духовности, которая существует в «Новом Акрополе»: *Acro-polis*, верхний город, – это поиск самых высоких ценностей, которые только могут быть у человека.

Д.С.Г.: Следующий вопрос касается молодежи. С молодыми людьми связано будущее, и все хотят так или иначе охарактеризовать их, высказаться о том, хорошие они или плохие. Кроме того, одни утверждают, что любой молодой человек – материалист по своей природе, а другие – что он априори идеалист. Что Вы думаете о молодежи? Какой Вы ее видите?

Х.А.Л.: Я считаю, что молодость или старость не определяются количеством лет или сединой. Есть люди, которым по двадцать лет, а они уже лишены надежды в сердце, разочарованы, они потеряли вкус к жизни и стали настоящими стариками. А есть люди совсем белые от седины, но способные радоваться, улыбаться; полные надежд, они берутся за новые дела и не перестают мечтать о будущем. Несмотря на седую голову, они по-настоящему молоды.

По-моему, молодой человек не обязательно должен быть материалистом, равно как и человек в возрасте не всегда будет идеалистом, – все зависит от натуры самого человека и от воспитания, которое он получил. Я думаю, что нет абсолютных материалистов или идеалистов, в каждом из нас, как говорил еще Платон, есть и то, и другое; причем что-то одно преобладает в нас независимо от возраста.

Д.С.Г.: Когда обсуждают значимость материализма или идеализма, как правило, акцент делают на одну из этих концепций. Например, некоторые думают, что человек оценивается по тем материальным следам, которые он оставляет, по их количеству, по их значению. Другие полагают, что все зависит от идей, с которыми человек шел по жизни, и даже могут сказать, что именно идеи движут миром.

Как оценивать человека – по его материальным следам или по тем идеям, которых он придерживался в течение своей жизни?

Х.А.Л.: Сложно сказать. Вот, например, перед нами на стене висит картина. Эта картина для нас материальна: ее можно потрогать, взвесить или купить. Но все же – разве кто-то не воплотил, не выразил что-то в этой материи? Разве не заключено в образе Магдалины нечто выходящее за пределы чисто материального? Разве нет здесь соединения, взаимосвязи материального и духовного? Как можно оценить, чем человек более ценен – материальным своим наследием или духовным? Все зависит от наследия. Что именно он оставил после себя? Дороги и мосты, которые могут быть полезны многим людям? Это великое дело, хотя оно и материальное. И допустим, его единственное духовное наследие – собранные в книге

сумбурные мысли и идеи, вроде таких: «Стены зеленые, а я здесь; ветер дует, а звезды квадратные, я сажусь, и я ухожу, боль пронзила мне левую руку...» Этот набор мыслей кому-то даже может показаться поэтичным, и, прочитав его, некоторые воскликнут: «Потрясающе!» – но лично я, честно говоря, не вижу в этом ничего по-настоящему полезного.

Я считаю, что, чем делить все на духовное и материальное, нам лучше оценивать вещи с точки зрения того, насколько они полезны или бесполезны, реальны или нереальны, разумны или абсурдны.

Д. С.Г.: Похоже, следующий вопрос выходит за рамки нашей темы. Из всего, что Вы только что говорили, следует, что в жизни необходима определенная доля материализма, то есть объективного и материального видения жизни, но также необходима и определенная доля идеализма, то есть более субъективное восприятие. Скажите, пожалуйста, каково, по Вашему мнению, оптимальное соотношение обеих составляющих?

Х.А.Л.: Разумеется, нельзя сказать: «сорок» или «шестьдесят процентов»; когда дело касается внутреннего мира человека, такие мерки не подходят. Я думаю, что в нас должна быть и частичка духа, и частичка материи, в жизни есть время как для духовного, так и для материального.

Вам показалось бы нормальным, если бы на встрече, посвященной литературе, живописи или философии, я бы вдруг кого-нибудь ударил? Невозможно, такого быть не может. А теперь представьте, что я иду по улице, подходят трое мужчин, преграждают мне дорогу и пытаются прижать к стене. Вы сочли бы разумным, если бы я сказал им: «Минуточку, господа! Скажите, что вы думаете об Эль Греко?» Конечно нет. Итак, в некоторых обстоятельствах необходимо прибегать к материальной составляющей, а в каких-то случаях необходима духовная, потому что духовное и материальное не противостоят, не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, словно две руки.

Д.С.Г.: Как идеалисты, так и материалисты указывают на ряд проблем, которые существуют в современном мире.

Идеалисты говорят, что наш мир заражен эгоизмом, ему не хватает ориентиров, не хватает нравственности. Материалисты считают, что в нашем мире слишком много неравенства, что сегодня человеку невозможно жить и работать достойно.

Все эти проблемы реальны. Исходя из представленной Вами формулы взаимодополняемости духа и материи, что предлагает «Новый Акрополь» для решения проблем, о которых говорят и материалисты, и идеалисты?

Х.А.Л.: Я иногда говорю, что «Новый Акрополь» – это революция, и она намного более глубинная, чем кажется, это не просто совокупность теософских или литературных идей.

«Акрополь» – это *ре-эволюция*, возвращение к истокам, к главному. Это не просто группа молодых людей и преподавателей, которые ищут знаний; это также и центр, где можно приобрести новый для нашего мира опыт. Это не только нечто субъективное, это опыт, абсолютно новый опыт.

И мне жаль, что иногда в газетах и журналах те, кто нас не знает, навешивают на нас ярлыки, называя коммунистами, нацистами, фашистами и т. п. В их распоряжении есть уже готовые ярлыки, а других у них явно нет, и вот они используют то, что имеют. Но мы представляем собой нечто совершенно новое. Нечто древнее, как семя, и новое, как цветок.

Если говорить о решении проблем современного мира, то, на наш взгляд, их нужно решать не по частям, а целиком. Необходимо полностью изменить видение мира, необходимо совершенно другое мировоззрение.

В первую очередь, нужно познать человека. Что такое человек? Из чего он состоит? Создан ли он только из духа и материи, или в его состав входят и другие элементы? Обладает ли человек только теми способностями, которые мы ему обычно приписываем, или у него есть и другие силы, которые сегодня описываются только в научной фантастике, но могут стать реальностью для тех, кто отважится повернуться к ним лицом? Разве сама Вселенная лишь огромная конструкция, состоящая из свечей, которые в любой момент могут погаснуть? Существует ли за всем этим что-то большее, нечто, что можно назвать Богом или как-то иначе, но нечто все собой заполняющее?

Нам также необходимо пересмотреть наши представления о времени. Что такое время? Что заставляет желтеть наши старые письма? Из-за чего загибаются уголки собранных нами почтовых марок? Что тонкими штрихами чертит морщинки у нас на лице или серебрит наши волосы, что заставляет нас вырастать из детей и становиться мужчинами или женщинами, заставляет нас проливать слезы или улыбаться? Почему в один день мы счастливы, а в другой – столь печальны? Перед нами встает множество вопросов.

Необходимо также изменить социальное устройство мира. Не существует черных, желтых или белых людей, есть просто люди. Видеть нужно то, что они несут в себе. Мы же судим о человеке лишь по его внешности. У человека может быть черное, белое или желтое лицо, но мы должны видеть то, что скрывается за этим лицом.

Надо увидеть, что находится за всеми религиозными формами, но увидеть беспристрастным взглядом. Пусть каждый выбирает ту религию, которая ему нравится, пусть каждый молится так, как хочет молиться, но пусть он уважает других и понимает, что другие люди также могут испытывать глубокое чувство божественного, преклоняют ли они колени перед образом Богородицы или глядят в сторону Мекки. Понимание того, что могут существовать различные формы веры, различные представления о духовной реальности, – это также одно из глубоких изменений, которые предлагает «Новый Акрополь».

«Акрополь» предлагает также не преувеличивать значение собственности. Надо использовать собственность, но не злоупотреблять ею. Собственность дана для того, чтобы владеть ею и наслаждаться, но не расточать, не проматывать и не разрушать ее. Потому что собственность в каком-то смысле как вода, она принадлежит всем. Логично открыть кран для того, чтобы напиться или искупаться. Но, уезжая в отпуск, мы не оставляем кран открытым, это неразумно и непрактично с точки зрения общества.

«Акрополь» не верит в политические партии; «Акрополь» не верит, что, соединив большое количество черных вещей, можно получить одну белую. «Акрополь» считает, что управление государством должно строиться таким же образом, как и в любой науке: если врачей возглавляет самый лучший врач, если в авиакомпании лучшее место получает пилот, который показал наилучшие результаты при обучении, – то почему бы тому, кто продемонстрировал лучшие знания при обучении политическим наукам, не руководить всеми остальными?

Должна существовать взаимосвязь между свободой и правом на жизнь: человек должен быть внутренне свободным и понимать, что эта свобода должна сдерживаться свободой других людей. «Акрополь» считает, что должна существовать определенная избирательность по отношению к книгам, фильмам и т. д. О преступниках, о мафии, об Аль Капоне созданы сотни фильмов... А много ли фильмов рассказывает о Сократе, о святом Августине, святой Терезе Авильской? Ни одного. Почему люди почти не интересуются этим? Люди сегодня совсем потеряли ориентиры и уже не способны выбирать. Что первым выходит на экраны, появляется на страницах газет, на экранах телевизоров? Разве на первой полосе газет можно увидеть репортаж о научном открытии, о стихотворении, получившем литературную премию, о картине, которая победила на конкурсе? Нет, дамы и господа, центральное место займет либо труп, либо преступник, либо человек в луже крови, либо орудие преступления.

«Акрополь» предлагает также преодолеть проблему насилия: чтобы каждый из нас имел право на жизнь, насилие должно исчезнуть. Мы должны думать не о тех концентрационных лагерях, которые существовали сорок лет назад, а о том, чтобы в 2000 году не появились новые. Нас должно заботить то, что нас ожидает в будущем, а не то, что уже случилось и что мы не можем изменить. В прошлом было совершено много самых разнообразных ошибок, но, если мы будем снова и снова к ним возвращаться, мы ничего не изменим. Давайте увидим ошибки будущего, давайте подумаем о наших детях и внуках, подумаем о людях, которых мы любим, о молодежи, об учениках. Пусть в 2000 году они увидят не только колючую проволоку под напряжением, ядерные ракеты или загрязненные реки. Пусть они узнают, что такое лебедь, не только по фотографиям, пусть им не потребуется лазерная техника, чтобы увидеть звездное небо. Мы хотим, чтобы мир стал незагрязненным, чистым во всех смыслах – физически, психически и духовно!

Мы предлагаем полное восстановление всего, что необходимо человеку и человечеству. Мы предлагаем, чтобы человек вновь встретился с человеком, с обществом, вновь встретился с Богом. Это и есть «Акрополь», верхний город, в который мы приглашаем всех. Приглашаем не для того, чтобы вы поддерживали его, словно колонны, но чтобы вы ощутили величественный ветер, проносящийся на этих духовных высотах, чтобы вы воплотили в жизнь то, что несете внутри. Этот мир красоты, мир мрамора, мир достоинства и чести! Для того чтобы каждый отважился жить тем, о чем мечтает здесь и сейчас!

Мадрид, 1979 г.

Х. А. Ливрага. Почему мы должны верить в Бога

Лекция

В начале нашей беседы я хотел бы, пожалуй, уточнить кое-что для тех, с кем мы имеем честь встретиться впервые. Когда я говорю: «Почему мы должны верить в Бога», – я не имею в виду какие-то обязательства или долг, навязанный нам извне. Я предлагаю задаться вопросом: какие философские, да и простые общечеловеческие причины приводят нас к вере в то, что мы называем Богом?

И не хотелось бы сегодня говорить о том, что будет интересно лишь ученым: оставим сложную терминологию для научных кафедр. Наши лекции обычно строятся так, чтобы каждый мог понять, о чем идет речь. Прежде всего, это будет беседа, мои размышления вслух, я постараюсь затронуть ваши сердца, затронуть и объединить то, что уже живет в них. Эта тема – вера в Бога – очень важна, и, поскольку нам крайне необходимо проникнуть в нее и достичь глубокого понимания, о вере следует говорить не так, как мы говорим о чем-то внешнем, не так, как мы привыкли говорить о торговле или о каких-либо материальных вещах. Я приглашаю вас к внутреннему поиску, к проникновению в глубину собственной души в поисках бьющегося в ней родника, подземной реки, которая дает нам почувствовать в самих себе воды жизни. Но не всегда нам удастся омыться в этих водах.

Порой, в самые важные, переломные моменты нашей жизни, они проступают слезами на наших глазах.

Как я уже говорил однажды, самому важному дать определение труднее всего. Поэтому я буду рассказывать о Боге, но не буду давать Богу определений. Несложно определить, что такое, например, стул или какой-нибудь другой обыденный предмет. Почему? Потому что он обладает материальными свойствами, он прост, потому что у него нет онтологической основы, которая позволила бы ему существовать вне настоящего момента, не только здесь и сейчас. И поэтому стул можно переставить с одного места на другое, поднять, взвесить, измерить. Но попробуйте дать определение Любви – Любви с большой буквы, или определение жизни и смерти. Если бы мы задались этой целью, мы бы поняли, что говорить можно лишь о проявлениях любви, о неких последствиях, рождаемых жизнью или смертью; другими словами, мы бы рассуждали не о любви, а о влюбленных, не о смерти, а об умерших, не о жизни, а о живых. И значит, если мы говорим о Боге, нам важно не столько определить его, сколько открыть его в самих себе и во всех остальных людях. Потому что, как только мы даем ему определение, упорядочиваем его, как только мы подписываем протокол, ограничиваем Бога четырьмя стенами, – в этой темнице он перестает быть тем, чем является в своей сущности, он перестает быть Богом и превращается в один из множества религиозных образов, которые человечество создало на протяжении многих веков.

Вера в Бога, способность пережить чувство божественного, способность открыть Бога – это одно из ощущений, если хотите, одна из форм интуиции, одно из самых древних, если не самое древнее чувство, которое человек когда-либо испытывал. В качестве примера можно вспомнить что-нибудь старинное, что-нибудь очень древнее: дольмен, построенный народами, о которых мы не имеем ни малейшего представления, или, скажем, египетские пирамиды или пирамиды Юкатана... Эти великие сооружения несут на себе печать религии, или слова *re-ligäree* — соединения человека с Богом, присутствия божественного в природе. Обратите внимание: именно там, где когда-то стоял дольмен, возможно, позднее был возведен греческий храм, затем римский, а затем и христианский. Все они различались по своему устройству и архитектуре, но именно на этом конкретном месте всегда возвышался монумент, посвященный Богу. Когда человек впервые соединил два камня друг с другом, друзья мои, он сделал это не для того, чтобы просто опереться на получившуюся конструкцию, и не

для того, чтобы высечь искру огня и приготовить себе пищу. Древний человек поставил один камень на другой, чтобы воздвигнуть первую колонну, первую пирамиду, первый алтарь, иначе говоря, впервые проявить чувства, обращенные к божественному. Всем известно, что у древних народов, например у индусов, поиск изначального Огня всегда связывался с мистическим ощущением и с идеей Бога. Согласно Ригведе, самым древним божеством у индусов является Агни. Агни – это искра огня, которая родилась благодаря его отцу, плотнику Вишвакарману: трением дерева о дерево или камня о камень была рождена первая искра, первый Агни, из которого потом эманировали все остальные Боги. Такова концепция изначального Огня, изначального Божества.

Обратимся теперь к древней культуре Египта. Тексты египтян рассказывают нам об изначальном божестве Атуме, со временем трансформировавшемся в Атум-Ра – Огненное Солнце, которое светит всем. В древнейших папирусах и текстах, запечатленных на стенах, отражены первые представления египтян. В них нет речи ни о еде, ни об одежде, ни о войне, ни о какой-либо другой проблеме, кроме проблемы присутствия Бога.

Мы можем вспомнить о многих народах. Поговорим о некоторых из них: полезно время от времени обращаться к прошлому человечества. Вспомним Мезоамерику, предания которой рассказывают о Кецалькоатле – птице, имеющей характеристики змеи. Слово «Кецалькоатль» означает «птица-змея». С Неба, из высоких сфер, Кецалькоатль пришел к людям, погрузился в земное и проник в те области, которые мы сегодня называем адом, проник до самого низкого, психологически и физически, существования. Он поклонился костям умерших людей и снова возродился среди живых, чтобы направлять их и вести за собой. А потом уплыл на лодке в море и не вернулся.

Море, древнейший символ, *oceanos* древних греков. Каждый раз, когда я вижу в Лувре Нику Самофракийскую, я вспоминаю, что означал для греков *океан* — бескрайнее море, где нет пристаней, к которым можно причалить, где обладать славой — это значит подняться на корабль и плыть, плыть... И чувствовать в движении весел и сильных рук, как наши голоса наполняют простор древними песнями, древними словами, и ветер снова наполняет паруса, и мы вновь плывем по *океану*... Океан, как говорил Гомер, словно огромное море вина, которое подступает к нам и будит наше воображение, и перед нами возникают Боги, зачарованные острова... и люди, которых превратили в свиней из-за того, что они не обладали духовностью.

Если хотите, мы можем поговорить об инках, которые верили в Кон-Тики Виракочу, Создателя всего, начиная с мирового яйца и заканчивая всеми существами. Они говорили о созвездиях и считали, что в них пребывает Бог, а также они верили, что связь человека с Богом осуществляется с помощью Радуги.

Все народы, во всех странах света говорят об этой божественной связи. Представление о том, что существование человека началось с открытия колеса, оружия, огня – представление, которое нам охотно дали некоторые ученые-материалисты, – полностью ошибочно и не имеет никаких научных доказательств. На самом деле человек начал с того, что открыл Бога, а открыв его, сделал алтарь в Его честь и создал Его изображение, воплотил Его, как умел. Да, потом он изобрел колесо, чтобы возить свой алтарь; потом, я верю, он добывал огонь трением и старался воспользоваться огнем, возникающим от молний, чтобы зажечь огни на алтаре и освещать своих Богов ночью. Затем он вооружился, чтобы защищать то, что можно назвать тотемом или как-то по-другому, – то, что было для него выше его самого, то, что существовало до него и будет существовать после.

Афина Варвакион. III в. до н. э. Афины, Национальный археологический музей.

Афина Варвакион – небольшая римская реплика статуи Афины Парфенос, созданной Фидием. Она была найдена в Афинах неподалеку от школы Варвакион, отсюда и ее название.

И первыми словами, которым он научил своих детей, своих потомков, своих учеников или последователей, были слова, посвященные Богу.

Мы говорили о возведенных человеком сооружениях и о его отношениях с Богом. Друзья мои, давайте немного подумаем, вспомним, какие самые великие сооружения воздвигнуты человеком. Египетские пирамиды? Они были посвящены Богу. Сегодня мы прекрасно знаем, что это не гробницы, нам известно, что они имеют религиозное значение: это монументы, посвященные Богам, это дар Богам. Вспоминая что-то прекрасное и необычайное, мы говорим о Парфеноне. Хорошо, но этот храм был посвящен Афине Парфенос – Великой Деве. Хотите вспомнить о пирамидах майя? Там тоже находились божества и «дерево жизни», и на саркофаге в одной из пирамид в городе Паленке изображена «птица воскресения» – птица-феникс. Все великие материальные произведения-сооружения человек строил потому, что его вдохновляли Боги.

Наверное, кто-то подумал: «Минуточку, профессор, все же существует огромное сооружение, построенное не во имя Бога, а как оборонительное, это Великая китайская стена протяженностью более 7000 километров». Да, но все-таки она воздвигнута во имя Бога. Ибо народ, который ее построил, верил в Бога и защищался от варваров, не имевших ни законов, ни морали. Нет такого великого сооружения, которое было бы построено не во имя Бога.

Можем поговорить и о книгах. Мы уже упоминали Ригведу, прекрасную Ригведу, записанную индусами; мы можем вспомнить и Махабхарату, и Бхагавадгиту, это тоже произведения, посвященные Богу. Хотя сегодня есть люди, которые считают себя весьма современными и гордятся тем, что открыли Камасутру – нечто, на их взгляд, фундаментальное, но на самом деле индусы еще около полутора тысяч лет назад отказались от ее чтения и передали ее мусульманам. Тем не менее, если бы эти современные люди прочли ее в подлиннике, на санскрите, они бы обнаружили, что эта книга является сказанием о божестве Каме, о том, как он создал Вселенную и людей и как, подобно Купидону, он пускает свои стрелы в определенные, особенно чувствительные точки человеческого тела; и это не настолько нерелигиозно, как может казаться.

Вспомним «Илиаду» и «Одиссею» – произведения, которые хотя и относятся к поэмам о героях, но, тем не менее, все время говорят о Богах. Вспомним американский Чилам-Балам... Мы можем вспоминать сколько угодно. Разве в Библии, в Ветхом и Новом Завете, не прослеживается та же связь человека с Богом, о которой говорилось тысячи лет назад? Во имя этих слов из Библии люди не только умирали, но и продолжали жить – а это важнее и труднее, ибо, дорогие друзья, умереть легко... Умереть легко. Можно умереть, выпрыгнув в окно; умереть – это нажать на курок заряженного пистолета, умереть – это просто быстро повернуть руль автомобиля, в котором едешь по горной дороге. Но жить, жить каждый день, стараясь выполнить нравственный закон, жить каждый день, стараясь исполнить закон любви, жить каждый день, стараясь совершить полезное дело, – это гораздо труднее, чем умереть. Больше, чем в героях, Бог нуждается в людях, которые умеют жить повседневно.

Можно ли сказать, что Бог в чем-то нуждается? Дело в том, что я – человек. Конечно, я знаю, что философы, мои коллеги, слушающие меня, скажут: «Бог есть абсолют. Бог ни в чем не нуждается. Бог есть во всем». Но, как я уже говорил, мы с вами немного поразмышляем. Мы должны каким-то образом представить Его, почувствовать Его, каким-то образом суметь обратиться к Нему с молитвой. Людям в первую очередь нужно уметь молиться и уметь умирать. Человек соединяет ладони не только для того, чтобы держать тарелку с едой;

человек делает определенные жесты, которые в Индии называют мудрами, в поиске контакта с Божественным, контакта с Неизвестным, с тем, что мы называем Богом. Неважно, какое мы даем Ему имя, главное – это очевидность Бога, которого мы ощущаем. Заметьте, что в древности, несмотря на то что люди владели скромными средствами, они возвели Пума Пунку, прочертили линии Наска, смогли воздвигнуть пирамиды и Парфенон, написать «Одиссею», «Илиаду», Бхагавадгиту, Библию... Если люди со столь малыми возможностями сумели это сделать, разве подобное не под силу тому, кого в «Акрополе» мы называем новым человеком?

На протяжении всей истории существовали мужчины и женщины, выделявшиеся среди других своим ощущением Бога. Не важно, какие религии они исповедовали (по меньшей мере, это не важно для меня), не важно, как именно они чувствовали Его; важно то, что они ощущали Его присутствие и каким-то образом воплощали в жизнь. И в истории Испании разве не знаем мы женщин, например Терезу Авильскую или святую Розу, которые сильно чувствовали Бога (хотя иногда может казаться, что религия – дело сугубо мужское), которые посвятили Ему свои самые сокровенные размышления и сумели все это донести до нас и передать нам ярко и сильно? Они передали нам это от всего сердца, от всей души, подобно тому как мать вскармливает своего новорожденного ребенка. И словно заново родившись благодаря этим книгам, благодаря этим Прибежищам, мы чувствуем, что в нас возрождается новая сила, новая надежда, новое желание жить, новая цель на всю жизнь.

Таким образом, мы должны верить в Бога. И не потому, что так положено, что это нам навязывают; не потому, что, как говорят священники, «даже если ада не существует, бойся». Мы должны верить в Бога потому, что это естественно, потому, что этим мы отличаемся от животных. Разница между человеком и животным не в том, что у животного есть хвост, а в том, что человек верит в Бога, чувствует Бога, а животное – нет. Поэтому, как утверждает учение, тот образ мышления, тот образ жизни, который удаляет нас от веры в Бога или в бессмертие души, превращает нас в гуманоидов, в отбросы Истории, приводит к тому, что шерстью обрастают наше сердце, наши нервы, наши вены, наш мозг и мы превращаемся в животных, которые весь день твердят только о еде и материальном благополучии.

Пума-Пушу (с кечуа «Дверь Пумы») – мегалитический комплекс в Южной Америке, состоящий из деталей конструкции сложной формы. Каменные блоки комплекса обрабатывались таким образом, что форма и качество поверхности позволяли стыковать их между собой без использования цементных растворов. Точность выполнения сопряжений свидетельствует о серьезных знаниях начертательной геометрии и владении утраченными ныне технологиями обработки камня. В зазор многих блоков не входит даже бритвенное лезвие.

Мы стали такими материалистами, что, выбирая себе квартиру, мы в первую очередь обращаем внимание на то, какая в ней ванна, и никогда не думаем о том, чтобы найти место для молитвы. Наши деды всегда смотрели, есть ли место, где можно будет преклонить колени, чтобы обратиться к Богу. Мы же пытаемся выбрать хорошую ванну, чтобы побыть с тем, что не имеет названия. Господа, наши головы заполнены мусором, чем-то плохим, гнивающим; это и есть отчуждение, и это худшая форма загрязнения. Наихудшее загрязнение не является результатом использования нефти или следствием ядерного излучения. Его создают люди, отрицающие Бога, те, кто в своей эволюции отбросили себя на миллионы лет назад, чтобы стать животными, чтобы снова лишиться возможности, которую имел наш предок – тот, кто жил во времена, о которых ни древние греки, ни римляне ничего не могли вспомнить, а египтяне не упоминали даже в самых древних папирусах. Это тот первобытный человек, который положил один камень на другой, чтобы поклониться Чему-то, что он внутренне ощущал, Тому, что позволяло ему воспринимать природу – не только эксплуатировать ее, не только сосуществовать с ней чисто биологически, но понимать ее и превращать в музыку, поэзию, философию и любовь.

Если мы не чувствуем себя детьми Бога, эманацией Бога, то откуда возьмется братство, откуда возьмется любовь к людям? Если мы не чувствуем себя детьми одного Отца, рожденными одной и той же реальностью и имеющими общую судьбу, то как можно чувствовать, что мы вместе, что мы связаны? Физически мы это ощущаем, даже сейчас, в этом зале, потому что у нас не хватает стульев, чтобы расположиться удобнее. Однако в нравственном, в духовном пространстве у нас этого ощущения нет. Нам необходимо узнать в самих себе детей Бога, необходимо почувствовать, что у всех нас есть нечто общее, но не в плоскости преходящего, не только холод или голод, которые способны испытывать и мы, и животные. Нам нужно почувствовать нечто общее внутри нас, что не относится к области преходящего. Как говорит древняя американская книга Чилам-Балам, нам нужна любовь, которая длится дольше трех дней, нужны короли, которые правят дольше трех дней, нужны законы, которые действуют дольше трех дней, нужна реальность, продолжающаяся дольше трех дней. Все, чем мы обладаем, – эфемерно, преходяще, и мы привязаны к этому преходящему настолько, что чувствуем себя подавленными, пребываем в смятении и, как белка в колесе, крутимся на одном месте. Мы утратили представление о том, что и тот, кто перед нами, и тот, кто рядом, и даже тот, кто в силу обстоятельств выступает как наш неприятель, – все они наши братья.

Чилам-Балам («Вещатель Ягуар») – фрагментарно-компилятивные жреческие священные книги и их своды индейцев майя. Рукописи созданы в разных местах п-ва Юкатан.

Ряд текстов относится к глубокой древности; в позднейших отражаются бедствия и жестокости конкисты и колонизации. Традициями майя тексты приписывались Баламу (Ягуару) – знаменитому чилану (оракульному жрецу-прорицателю) и кайому (песнопевцу) времен покорения Юкатана испанцами (40-е гг. XVI в.). По-видимому, в основу «Ч. Б.» легли некоторые из иероглифических книг майя, почти полностью уничтоженных миссионерами, а также устная традиция. «Ч. Б.» содержит хроники (до сер. XVII в.), исторические предания, мифы, календарные тексты и мистические прорицания. Две этические песни – кай – древнего происхождения; одна – космогонический миф, другая – историческая («О взятии Чичен-Ицы», X в.).

Мы должны любить ближнего по-настоящему, глубоко, а не только внешне проявлять это. Внешнее – не главное. Как сказано в «Маленьком принце», друзья мои, самого главного глазами не увидишь. Иногда мы можем совершать что-то на первый взгляд жестокое, но делать это любя. Например, хирург проводит операцию, а кто-то, не понимая, в чем дело, может воскликнуть: «Какой кошмар, он же убивает его!» Но ведь на самом деле врач спасает пациенту жизнь и им движет любовь. И наоборот, иногда нас обнимают и целуют, но делают это, чтобы обмануть нас или отнять то малое, что у нас есть. Поэтому внешнее вторично, главное – внутреннее действие, акт доброй воли и веры.

Нам нужно снова испытать чувство веры, не только индивидуально, но и коллективно. Я не имею в виду какую-то определенную религию, я говорю просто о коллективной вере в Бога и в бессмертие Души. Нам нужно знать, что мы дети Бога, познавать самих себя,

преодолевать страх смерти, преодолевать множество своих страхов, осознавать, что мы бессмертны...

Понаблюдайте за природой, посмотрите: Бог даровал гусеницам такую окраску, которая помогает им сливаться с окружающей средой, и это спасает их врагов. Рыбам, живущим в глубинах, Бог дал светящиеся глаза, чтобы они могли освещать темноту на глубине тысяч метров. Птицам Он дал легкие, пористые кости, чтобы им было легче подниматься в воздух. Всех существ наделил Бог необходимыми им свойствами.

Еще недавно говорили, что все это сделала эволюция, что это результат борьбы животных за выживание. Но сегодня компьютеры – бывает, они приносят вред, но иногда могут быть и полезными – показали, что в таком случае Земля должна быть в тысячу раз старше. Другими словами, возраст, который ей приписывают, недостаточен для того, чтобы клетки и различные элементы соединились так, чтобы приспособиться к различным жизненным условиям и развить все многообразие существующей сегодня высокоорганизованной жизни.

Значит, существует милосердие, существует великая любовь, существует великий Мыслитель, который все это замыслил. Он сделал так, что у семян, падающих с дерева, есть крылышки, благодаря которым они вращаются – чем не первый вертолет? – и улетают от материнского дерева, поскольку если бы они падали в его тени, на сырую почву, то погибали бы. Кружась, семена улетают туда, где есть солнце и может вырасти новое дерево.

Но если Кто-то или Что-то замыслило все эти сложные процессы, происходящие со всеми существами, – например, загадку сперматозоидов, способных двигаться благодаря хвостикам, божественное равновесие корней и ветвей дерева, опадание листьев и распространение семян, – если Оно обо всем позаботилось, обо всем подумало, скажите, могло ли Оно забыть о Человеке, о нас с вами? Оно должно было позаботиться и о нас, как в физическом, так и в духовном плане. Зачем тогда бояться смерти? Зачем бояться бед – будь то смерть, невезение или, хуже того, утрата везения, утрата любви или простого психологического равновесия?.. Разве Бог не скрывается за всем этим? Разве все это не подобно ступенькам, благодаря которым мы можем подниматься, двигаться по дороге эволюции, становиться сильнее, становиться ближе к Божественному, трансформироваться в нечто новое, сильное? Разве все это не находится в сфере замыслов Великого Разума, благодаря которому каждый раз, когда мы спотыкаемся, невидимая рука поднимает нас, как воскрешенного Лазаря? Неужели не существует Нечто, что поднимает нас, если мы упали? Неужели у нас нет того, что есть у гусениц и деревьев?

Очевидно, что существующее для гусениц и деревьев существует и для человека, и для целых групп людей, и для всей человеческой культуры, но сначала нам необходимо заново осознать Бога, сначала мы должны уйти от уже устаревшего материализма и достичь подлинной духовности. Я сейчас говорю не о внешних проявлениях. Человек может молиться перед образом Христа и быть при этом очень далеким от духовности. И наоборот, человек может честно и добросовестно ковать железо для пользы людей, работать на фабрике, в конторе или в университете и тем самым совершать действия в гораздо большей степени мистические, чем человек, который просто стоит на коленях.

Мы должны глубоко ощущать Бога, мы должны вернуться к вере в Бога, как в те отдаленные времена, когда люди, принадлежа к разным религиям, все верили в Бога. Одни говорили о Христе, другие – об Иегове, третьи – об Аллахе, но все говорили об одном и том же. В Римской империи жили очень разные люди, они говорили на множестве языков; и когда они встречались где-то на дорогах, они, узнавая друг друга, поднимали правую руку и произносили слово «Ауе!» (что значит «святое, священное»). То есть священное было знаком узнавания, священное объединяло людей в империи. И для человечества это чувство общности, объединенности продолжает оставаться священным.

К сожалению, об этом великом государстве сегодня знают в основном из неудачных кинофильмов (по крайней мере, несколько лет тому назад это было так), поэтому было бы хорошо упомянуть о том, как обстояли дела на самом деле. В Римской империи велись научные исследования, там существовала религиозная свобода, там происходили чудеса; в Римской империи родился Иисус Христос, господа. Так что нельзя пренебрегать прошлым; нам следует понимать, что прошлое – это корни настоящего. А настоящее, в свою очередь, должно стать крепким стволом, чтобы нести крону будущего.

Мы должны мечтать о новом человеке, которого будет легко узнать где угодно по этому *Лице*, по тому священному, которое он несет в своей душе.

Вот акропольская мечта! Вот главная акропольская мечта! Бесполезны любые формы знания, понимания, рассуждения, если мы не откроем Бога в себе самих и в природе. Настоящий философ не тот, кто знает наизусть определения из сочинений Канта и Платона, Фомы Аквинского или кого-то еще. Нет, настоящий философ – это не платоник, не последователь Аристотеля или Канта. Настоящий философ – это простой человек, умеющий понимать природу; тот, кто, даже оставшись без книг, может продолжать читать, а если останется без природы, может продолжать мечтать.

Мы должны мечтать о новом человеке, который снова обретет глубокую веру в Бога. Смотрите: люди мечтали долететь до Луны, и настал день, когда их мечта осуществилась. Так давайте мечтать о новом человеке, который будет ощущать Бога, верить в Бога и действовать во имя Бога! Давайте мечтать о нем, пусть даже мы не знаем, как будет выглядеть этот человек, какого цвета будет его кожа, как он будет одеваться, какому народу принадлежать, какими словами будет обращаться к Богу и каким будет жест, который будет указывать за горизонт. Вот и все, что я хотел вам сказать об этой Великой Тайне. Оставайтесь с Богом!

Мадрид, 1978 г.

Д. С. Гусман. Добро и зло

Это еще одна из великих дуальностей, встречающихся на дороге Жизни, – одна из тех, которыми Иллюзия-Майя пользуется в своей игре с людьми. На одном полюсе Добро, на другом – Зло, а между ними – пространство промежуточных состояний, не относящихся ни к одному, ни к другому полюсу. В этом пространстве и происходит игра; она становится невозможной, как только достигается одно из конечных и определенных состояний.

Однако не существует Добра и Зла в том абсолютном значении, как представляют себе люди.

Все это является еще одним из иллюзорных отражений в зеркалах Майи. Людей ведут от одного края жизненного пути до другого, до тех пор пока они на собственном опыте не убедятся, что конечный пункт не находится ни в одной из крайних точек, что самих крайностей не существует. Пока мы не убедимся, что конечной целью, скрывающейся за любыми двойственностями и множественностями, которые мы только можем наблюдать, является, как всегда, единство.

Не существует абсолютного Добра; нет абсолютного Зла. Как могли бы одновременно существовать два абсолюта? Разве мир мог бы управляться двумя одинаковыми силами, действующими в противоположных направлениях?

Если руководствоваться подобным мнением, Бог окажется столь же могущественным, как и устрашающий Дьявол, и это противостояние никогда не разрешится, поскольку эти силы никогда не уравновесятся. Поэтому сегодня оказывается абсурдным представление о всемогущем Боге, способном сочетать в себе все силы Вселенной.

* * *

С нашей человеческой точки зрения, пытаясь хоть немного приподнять завесу над игрой, в которую все мы втянуты, мы можем сравнить добро с областью Духа и уподобить зло области Материи. Между полюсом Духа и полюсом Материи существуют бесконечные градации добра и зла, образуя те самые полутона, которые мы и можем наблюдать и которые делают невозможным любое окончательное определение.

И тут возникают наши вечные вопросы. Хороша или плоха жизнь? Позитивен или негативен разум? Деньги – это добро или зло? Целесообразно милосердие или нет? Все относительно. Вещи и явления сами по себе ни хороши, ни плохи. Это мы даем им ту или иную оценку в зависимости от того, на каком конце шкалы наших ценностей, идущей от духа к материи, от добра ко злу, мы их располагаем. Если бы мы покрасили в белый и черный цвета крайние точки этой шкалы, то пришли бы к неутешительному выводу, что в действительности нам не знакомы эти цвета в чистом виде, что обычно мы имеем дело с обширной гаммой более или менее серого.

* * *

Но этим дуальности не исчерпываются.

В высшей сфере Духа, там, куда мы поместили царство Добра, также существует своя система ценностей. Для Духа одни элементы являются позитивными, а другие – негативными, существует свое представление о хорошем и плохом.

Внизу, в царстве Материи, всё видится наоборот: добром является то, что служит игре Майи, а злом – все противоположное. Здесь, внизу, где наше сознание проводит большую

часть времени, многообразие множественности является благом. Благом оказывается даже тревога, порожденная тем, что мы не можем выбрать что-либо определенное во всем этом многообразии. Злом считается то, что отрывает нас от этой калейдоскопической игры. Зло – это то, что отвлекает нас от наших невинных забав с игрушками Майи, которые мы считаем единственно возможной реальностью.

В зависимости от того, какой из крайностей посвящают свою жизнь люди, духовной или материальной, они вырабатывают свое собственное мировоззрение. Отсюда рождается многообразие противоречивых представлений о добре и зле, зависящих от разного положения людей на ступенях эволюционной лестницы, ведущей от материи к духу.

Для того чтобы люди пришли к взаимному согласию в этом вопросе, нужно было бы сначала помочь сблизить их точки зрения, и прежде всего эволюционные этапы, на которых они находятся. А это пока сделать очень трудно, поскольку Майя присутствует среди нас... И мы пока продолжаем бороться за добро и зло, настолько непохожие друг на друга, что иногда они вступают в противоборство, а иногда даже переплетаются друг с другом...

* * *

Если бы мы смогли на один миг преодолеть иллюзии и сопоставить человеческие представления, опираясь на духовное единство всего живого, мы несомненно убедились бы, что нет ни хорошего, ни плохого, есть только то, что приносит Благо, что одновременно является и справедливым, и необходимым, и совершенным, и вечным, что всегда существует за всеми дуальностями, которые являются его отражениями в зеркалах Майи.

* * *

Благо испускает первый луч, первое отражение – это добро, которое мы соотнесли с Духом. По мере того как этот луч спускается вниз, он постепенно расширяется, раскрывается и теряет свой свет, пока не потускнеет окончательно, добравшись до материи, до мира Майи, где он превращается в зло. Таким образом, Майя является иллюзией, которая затуманивает ясное видение высшего разума. Но, чтобы этого мрака не было заметно, она выдумала тысячи искусственных огней, которые очарованием своего разноцветного блеска подменяют добро на земле.

* * *

Должны ли мы из всего этого заключить, что Майя есть зло? Дадим ли мы вновь некую абсолютную оценку этому миру иллюзий, представляя его худшим из всего, что возможно?

Нет, никоим образом. Темнота, исходящая от Майи, и сопровождающие ее разноцветные огни есть необходимый этап нашего пути.

Если бы мы не жили в тумане, мы бы никогда не научились ни интуитивно чувствовать ясность, ни тосковать о ней. Через сумерки мы идем к свету. За материей мы угадываем дух. Глядя на игру многообразий, мы мечтаем о единственной и конечной цели, которой обязательно достигнем.

Из книги «Игры Майи»

Д. С. Гусман. Новое и вечное

Сегодня мы хотим поговорить о том, что никогда не оценивают объективно, – о новом. Жажда нового – почти бессознательна, она вынуждает человека к самым невероятным переменам: главное, чтобы то, чем он обладает сегодня, не имело ничего общего с тем, что у него было вчера.

Но разве есть в мире столько новых вещей, чтобы ими можно было замостить длинную дорогу человеческой эволюции? Не будем поддаваться искушению извлекать из памяти бесчисленные пословицы наподобие «нет ничего нового под солнцем». Лучше вспомним великого философа XIX века Е. П. Блаватскую, говорившую об особом искусстве подавать старое вино в новых мехах.

Больно видеть тех, кто, зная и цenia богатый вкус старых вин «великих урожаев», наполняют кубок своей души кислым соком модных идей – незрелых «плодов» сегодняшнего дня. И хуже того, «плоды» эти, собранные с искусственных кустов, вряд ли когда-нибудь созреют.

Мы полагаем, что новое в поверхностном понимании – полная противоположность вечному. Те, кто осознают свое бессмертие, кто ощущают свои истоки в глубинах Вселенной, не боятся естественных повторений, ибо эти повторения неуклонно приближают их к Божественному Началу.

Как сказал бы Аристотель, добродетель – это плод долгих и постоянных упражнений в добродетели. Те же, кто, напротив, считают себя временными и преходящими, как ночные тени, кто ничего не ждут от жизни, ищут быстрых и эффектных перемен – их привлекательность помогает вынести внутреннюю пустоту.

Когда книга, хорошая музыка, произведение искусства, театральная постановка наполнены символами и идеями, вдохновляющими душу, мы можем слушать, созерцать их, наслаждаться ими многократно, и каждый раз будем открывать новые грани смысла. Но когда искусство для нас лишь развлечение, все это интересно нам не больше одного раза... И идеи тоже становятся одноразовыми. Как и мода, увлечения, истины...

Жалок человек, который отчаянно гонится за новым, надеясь тем самым заслужить одобрение других! Ведь истины можно возобновлять постоянно на протяжении тысячелетий, но нельзя заменить их на новые, иначе они перестанут быть истинами. Просто ради новизны мы не согласились бы на то, чтобы солнце перестало греть, а луна стала треугольной. И если бы наша жизнь направлялась твердыми принципами и идеями, у нас вызвал бы тревогу, замешательство и естественное сопротивление тот факт, что нечто меняется только затем, чтобы не выглядеть «анахронизмом», пережитком прошлого.

Философия учит, что Время – это иллюзия. «Анахронизм» тоже иллюзия, созданная недостатком духовного развития. Мы обречем больше нового, если будем жить одной и той же Истиной постоянно, на разных этапах своего пути. Понятий *старое* и *новое* нет во вневременном измерении Истины. Есть только *истинное* и *ложное*, а движением стоит считать только то, что приближает нас к совершенству. Больше движения, больше перемен – больше признаков того, что мы только начали идти и нам еще нечем похвастаться. Больше твердости, больше уверенности в дорогах, которые мы выбираем, – больше возможности постичь всегда вечную и всегда новую тайну, которая живет в сердце каждого человека.

Х. А. Ливрага. Свобода внутренняя и внешняя

Эта тема одновременно и простая, и сложная. Свобода – одна из тех составляющих жизни, которые сопровождают человека на протяжении тысячелетий, поэтому мы воспринимаем ее как что-то хорошо знакомое, такое же, как огонь, воздух, солнце... Однако и огонь, и воздух, и солнце, как бы хорошо они ни были нам знакомы, остаются для нас тайной. Сколько раз холодными вечерами мы сидели у камина, смотрели на огонь и слушали, как потрескивают охваченные пламенем дрова. И хотя мы наблюдаем это действие всю жизнь, для нас, как и для наших предков, оно остается таинством. И каждый раз оказывается новым... оставаясь таинством, – как бывает и со звездами и облаками, когда мы на них смотрим. С таких позиций мы будем рассматривать и нашу тему.

Будущее совершенно невозможно понять, не принимая в расчет прошлого. Человек нашего времени «сиюминутен», он живет «здесь и сейчас»; его не интересует прошлое, и ему трудно представить, что произойдет в будущем. Он разорвал узы, связывающие поколения, – и оказался оторванным не только от своих предков, но и от потомков. Как легко разрушить связи между поколениями! Человек считает, что так он может покончить со старым, с теми, кто уже ушел. И не задумывается о том, что прерывает связь и с теми, кто придет следом за ним. Что, не понимая образа жизни и мышления своих предшественников, мы не поймем и наших детей и ничего не сможем оставить в наследство внукам.

Очевидно, что мы должны рассматривать человечество как общность людей, которые одну и ту же реальность воспринимают с разных позиций, под разным углом. Проблема свободы, несомненно, волнует современного человека; существовала она и в прошлом, и разные народы рассматривали ее по-разному.

Приведем несколько примеров. В Америке, у майя, тольтеков и ацтеков, новорожденного ребенка не считали ни рабом, ни свободным. Человек рождался человеком, а свободным или рабом он становился в зависимости от своих действий. Если он был способен осуществить свои идеалы, если добивался успеха, то его считали свободным. Если же совершавшиеся им действия приводили его к поражению, если они вели его к саморазрушению или наносили вред окружающим, то его называли рабом, и он должен был работать на других людей, которые были – или считались – свободными.

Говоря о демократии в Древней Греции, мы часто забываем, что для греков демократия была правлением демоса – не всего народа, а небольшой группы образованных людей, умевших, как правило, читать и писать (некоторые не умели, как, например, Сократ, но он, будучи неграмотным, несомненно, был великим философом). Именно демос решал все дела государства.

В Древнем Риме, уже на закате существования империи, рабы могли даже купить себе свободу. Но они не сразу становились свободными, а некоторое время были вольноотпущенниками. Символом этого переходного этапа считался фригийский колпак, который вольноотпущенник должен был носить от трех до пяти лет и за это время доказать, что раб действительно стал свободным человеком.

Но независимо от этих представлений – а их можно дополнить и шумерскими, и китайскими – мы должны ответить себе на вопрос: что значит быть по-настоящему свободным, и когда мы действительно свободны? Как правило, человек считает себя свободным, если он сумел преодолеть какие-то трудности. Так, говорят, что человек «освободился» от давления семьи, если он в один прекрасный день покинул членов своей семьи, вынуждающих его поступать так, а не иначе. И вот он утверждает, что свободен, сидя за столиком в кафе вместе с приятелями, тоже говорящими, что они свободны. Но на самом деле такой человек не освободился, а лишь сменил одну форму свободы на другую. Развивая эту простую мысль,

мы придем к выводу, что человек всегда переходит от одной формы свободы к другой. И поскольку в этом мире нет ничего абсолютного, все эти «свободы» будут относительными и обусловленными.

Существует ли свобода на самом деле? Свобода – это субъективное понятие, или она действительно есть в природе? Следуя философии «Нового Акрополя», мы считаем, что свобода – часть природы, что это не выдумка человека. Свобода есть, потому что иначе не было бы ни свободы выбора, ни возможности поступать правильно или ошибаться. С тех пор как человек смог совершать правильные или неправильные действия, смог идти или останавливаться, он обладает свободой действия. Как правило, такая свобода направлена на какие-то внешние ограничения. Именно в этом, по всей видимости, и ошибались многие наши предшественники, считавшие, что освободиться от чего-то внешнего – значит обрести свободу. Так, если передо мной оказалась стена, то, преодолев ее, я говорю: «Я освободился от этой стены!» Но за первой стеной обнаруживается следующая или же обширное пространство, где меня ждут новые препятствия.

Итак, мы приходим к первому выводу, что свобода – это внутреннее действие. Человек может утверждать, что он свободен, но если свободен, то от чего? Мы понимаем свободу как естественное состояние, не как цель, но как средство. Пример тому – нож, который в руках убийцы превращается в опасное оружие, а в руках врача становится инструментом, несущим исцеление. Следовательно, свобода, как и любой другой инструмент, сама по себе не цель, все зависит от того, как мы ею распорядимся. Например, у меня есть зажигалка, с помощью которой можно зажечь сигарету, можно – свечу перед иконой Богородицы, а можно поджечь дом, где живут люди. Спрашивается, зажигалка хорошая или плохая? Понятно, что ни то, ни другое. Все зависит от того, как ею пользоваться и для чего.

Мы должны понять, что свобода сама по себе не цель, поэтому нужно всегда задаваться вопросом: ради чего она? Подтверждение этому мы найдем в истории всех политических и общественных движений, которые обычно повторяют судьбу своих предшественников. Те, кто призывает к освобождению от старых норм, попадают под власть новых, которые поработают точно так же. Мы знаем, что в целом ряде стран, независимо от господствующей в них идеологии, ведутся войны и существует эксплуатация. Последние военные конфликты показали, что схематические решения не способны удовлетворить всех. Нам нужно нечто, что подходило бы каждому индивидуально.

Мы все устали жить в клетке, устали от того, что к каждому приклеен ярлык и каждый занесен в какой-либо архив. Нам необходимо встретиться с самими собой. Нам нужно поднять свою индивидуальность, как факел, чтобы светить не только себе, но и другим. Я понимаю, что у этого философского подхода есть и сторонники, и противники. Последние не понимают такого простого и философского восприятия свободы. Такие люди понимают свободу как возможность притеснять всех, кто думает не так, как они сами. Здесь видно демагогическое начало, поэтому людям очень трудно вести диалог; мы все это замечали. Мы отравлены, мы совершенно испорчены эгоизмом, который делает нас фальшивыми. Мы настолько испорчены, что не способны воспринимать реальность. Мы часто слышим вопрос «Как дела?», но это не более чем формула вежливости. Как правило, люди ведут пустые разговоры, потому что их мало заботят проблемы других. Нам необходимо разрушить разделяющие нас стены, которые прочнее физических, – стены и преграды интеллектуальной испорченности, эгоизма, разрушительного для человека.

Колумб открыл Америку (или открыл ее заново, что в данном случае не столь важно), и прошло еще очень много лет, прежде чем люди поняли, что же на самом деле произошло: там жили миллионы людей, там были невиданные чудеса, золото... но европейцы продолжали рассуждать о преимуществах пути в Индию через Африку (никто не думал об Америке!).

Этот исторический пример показывает, как велика в человеке интеллектуальная и духовная инертность. И наше время в этом смысле не исключение.

Когда мы говорим о свободе, мы, как правило, имеем в виду свободу, связанную с определенными условиями. Говорят о свободе политической, экономической, сексуальной и т. п. Другими словами, нам трудно выделить просто свободу, свободу как таковую, и дать ей определение. На самом ли деле свободны те, кто считает, что обладает политической, экономической или сексуальной свободой? Вот вопрос, на который нам необходимо ответить. Например, человек, ни с чем не считаясь, предается своим страстям и утверждает, что времена лицемерия прошли; он может называть себя свободным. Но разве он свободен? Нет. Он освободился от предубеждений и не считается с общественным мнением, но стал рабом своих страстей, своих инстинктов, а из-за них он позже попадет в ситуации, которые поработят и свяжут его не меньше, чем те семейные узы, которые он только что порвал. То же самое происходит и с человеком, провозглашающим политическую свободу; он покидает ряды какой-либо партии или движения, чтобы кричать на улице: «Свобода!» Такие люди, как правило, выражают свои чувства, переворачивая машины и мусорные баки и бросаясь камнями в других. Разве это свобода? Что подумает о такой свободе человек, которому попали камнем по голове? Какая польза от такой свободы?

Надо искать такое счастье, которое не вредило бы ближнему. Свобода, которую предлагает нам капиталистический мир, свобода всех потребительских обществ и подобных систем – это лишь обусловленная, ограниченная свобода.

Статуя Свободы – одна из самых знаменитых скульптур в США и в мире, часто называемая символом Нью-Йорка и США, символом свободы и демократии, Леди Свобода. Это подарок французских граждан к столетию американской революции.

Как учил меня один старый философ-индус, счастье одних людей обычно рождается из несчастья других. Мы скатились до какой-то формы духовной коммерции, когда счастье одних отзывается страданиями других, когда чья-то свобода оборачивается несвободой для других, когда люди, стремясь избежать одной ловушки, попадают в другую. Так, к примеру, рабочие, пытаясь освободиться от давления со стороны своих хозяев, вступают в профсоюз. Но профсоюз тоже хозяин, часто еще более жесткий, нежели предыдущий. Очень трудно на самом деле стать свободным.

Даже на Востоке, который сегодня в моде, есть люди, считающие себя особенными. Они сидят в позе лотоса, целыми днями перебирают четки и мнят себя свободными, но такими не являются. Человек, желающий освободиться от всех старых обычаев, человек, заявляющий, что он больше не станет есть то, что ели его деды, потому что переходит на макробиотику, – разве он свободен? Разумеется нет. Его день проходит в подсчетах, сколько риса ему надо съесть. Уж точно, моя бабушка, простая крестьянка, была более свободной и ела столько риса, сколько хотела.

Таким образом, мы видим, что существует целая система интеллектуализации свободы, из-за которой мы лишаемся свободы. Как прийти к новой свободе? К новой свободе, которая сохранила бы силу традиции и в то же время была бы на самом деле новой; которая помогла бы нашей молодежи найти выход, подсказала бы, как достойно пройти этот темный, трудный, но славный момент Истории? В темные времена, во времена больших сражений рождаются люди-герои, появляются великие идеи и тяжелые знамена развеваются на ветру Истории.

Необходимо сменить концепцию интеллектуальной свободы на концепцию свободы, воплощенной в жизнь. Нам нужно не думать о свободе, а быть свободными. Потому что, господа, эра размышлений, эра разума умерла. Разум много раз нас обманывал, как вы и сами знаете. Достаточно вспомнить ученых-рационалистов, отрицавших, что аппараты тяжелее воздуха могут летать. Они утверждали, что вода на дне океана должна иметь почти абсолютную плотность и поэтому на больших глубинах рыбы жить не могут, а это оказалось не так. Они не верили, что звук можно передавать по проводам, однако в 1876 году Грэхем Белл изобрел телефон. И подобных примеров множество.

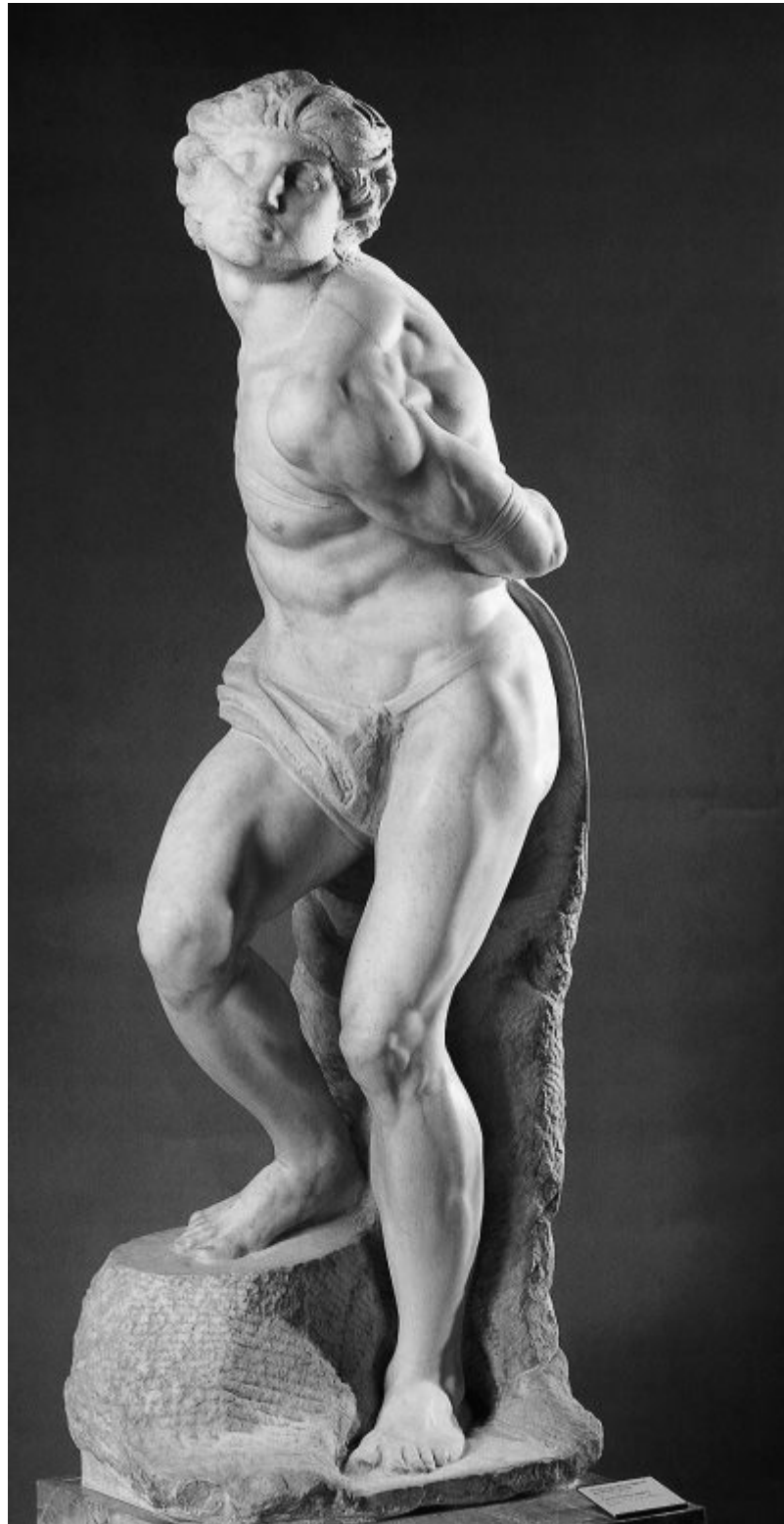
То, что на первый взгляд кажется рациональным, на самом деле в высшей степени иррационально. Стремиться рационализировать свободу – значит изначально ограничить ее, а это равноценно ее отрицанию. Как только мы пытаемся дать определение свободе, она перестает быть свободой. Это все равно что говорить о Боге, что Он велик, добр, великолепен, светел... Если это действительно Бог, то он должен быть только Богом. Бог абсолютен, он присутствует во всем, и мы не можем наделять его характеристиками и чувствами, присущими человеку. Это – одна из проблем религии, ибо на протяжении истории люди приписывали Богу разные атрибуты. В X веке одни, в XIX – другие, а в наше время – третьи. Например, ни в Библии, ни в каком-либо другом Священном Писании нет ни слова против рабства. А когда Иисуса прямо спросили о подношениях, которые следует приносить императору, он ответил: «Кесарю – кесарево, Богу – богово». Для таких великих существ, как Иисус, это не проблема, ибо для них важно, чтобы свободой жили, а не убивали ее рациональными определениями. Основное, к чему мы пришли и в чем заключается наш долг, – это стремиться осуществлять на практике распоряжения нашей внутренней воли. Не говорить о свободе, а попытаться жить ею.

В моих путешествиях я много встречаюсь с людьми, и часто эти встречи производят на меня глубокое впечатление. Так, например, во время моей последней поездки по Европе я встречался с самыми разными группами людей, но всех их объединяла привычка собираться за столом и рассуждать: «Люди станут лучше. Мир будет подобен граду Божьему, о котором говорил святой Августин, он будет новым, лучшим. Не будет ни денег, ни угнетения, ни зла...»

Сказав все это, они смотрели на часы и говорили: «Ну что же, мне пора, меня жена ждет» или: «Что-то я устал, а завтра рано вставать на работу»... Эти люди, рассуждавшие об абсолютной свободе, о том, как полностью изменить мир, люди, считавшие, что вправе менять жизнь других, были не в состоянии ни на минуту освободиться от обстоятельств собственной жизни.

Наш поиск новой свободы должен быть поиском не рационализированной, а живой свободы. И чтобы этой свободой жить, нам надо спросить себя: кто мы, кем мы хотим стать, где мы находимся?... Мы – это просто совокупность клеток, живущих благодаря какому-то электрическому импульсу? Мы – творения Божьи или же просто плод мгновения любви между нашими родителями? Нам необходимо познать самих себя, чтобы узнать, что мы на самом деле освобождаем; понять, что мы собой представляем, чтобы суметь освободиться. Нам надо понять, что мы – это не волосы, руки или одежда; мы – это не наш дом, не наши материальные блага и даже не наше тело. Даже страдая и испытывая боль, мы продолжаем думать, жить, чувствовать, мечтать о том, что выше нашей боли и наших страданий. Мы – это также не наша юность и не жизненная энергия. Внутренняя сущность с годами не стареет, не умирает. Если человек действительно идеалист, его идеализм живет всегда; единственное, что стареет, – это клетки его тела. В глубине души человек может всегда ощущать себя молодым. Он – нечто гораздо большее, чем его тело и жизненная энергия.

Предположим, что меня кто-то рассердил, и я накричал на него, а потом в этом раскался; значит, то, что во мне осуждает мою несправедливость, не может быть одновременно и тем, что гневается. Лук – это не стрелы. Стрелы летят далеко, в центр мишени, но существует также и то, что направило их к цели. Другими словами, кроме моих эмоций есть и то, что наблюдает за ними и дает им оценку. Если я в чем-то ошибся и потом сказал себе: «Нет, так не пойдет. Я был не прав, утверждая, что дважды два – пять», то, следовательно, во мне есть тот, кто наблюдает за моими мыслями.

Микеланджело Буонарроти. Восставший раб. Скульптура, задуманная для ансамбля мавзолея папы Юлия II. 1513. Париж, Лувр

Человек обретает внутреннюю гармонию, гармонию внутреннего бытия благодаря связи с тем, что скрыто за всем проявленным, с тем, что способно оценивать и направлять его жизнь, с тем, что коренится в этике – не в преходящей морали, а в подлинной, глубинной этике.

Подлинное воскресение человека и человечества, реальное преодоление кризиса наступит не тогда, когда понизятся цены на нефть. Кризис, в котором мы находимся, – это моральный, духовный кризис, кризис отсутствия веры. То, чего нам действительно не хватает, – это не хлеб или нефть, а прежде всего духовная сила. Сильные духом могут отвоевать землю у каменистой пустыни и превратить ее в цветущий сад, как это было в старой Кастилии. Сильные духом способны, как когда-то, на утлых деревянных суденышках, готовых в любой момент пойти ко дну, пройти все моря и океаны. Сильные духом могут написать или продиктовать великие сочинения, которые пройдут через всю историю, переходя, как по ступенькам, из века в век. Сократ был неграмотным, но он диктовал своим ученикам, и его слова дошли до нашего времени. Мы видим, что повсюду, во все эпохи движущим импульсом была духовность. Благодаря духу мы можем сделать цветущими бесплодные земли, пересечь океан, возвести искусственные горы и сровнять с землей горы настоящие. Дух посредством воли порождает во всем существующем потребность к духовному совершенствованию.

Великая революция, которая зреет в сердцах нашей молодежи, смотрящей на нас иногда с восхищением, – не капиталистическая и не марксистская, а духовная. Именно дух приводит к революции ради появления другого, нового мира, где совесть и гуманистические ценности не покупаются и не продаются, где существует подлинная свобода. Эта свобода не противоречит повиновению неизменным законам природы. Естественно движутся на небосводе звезды, согласно своей природе размножаются птицы, летающие в небе, и рыбы, населяющие морские глубины и воды рек. И так же естественно, следуя своей природе, мы придем к собственному возобновлению. Благодаря своей духовной природе, отвечая зову жизни и Вечности, мы должны подняться над страхом смерти, над страхом исчезновения, преодолеть страх неудачи и страх, связанный с собственной незначительностью. Это и есть те настоящие препятствия, те преграды, которые нам надо сломать в поиске новой свободы, что сделает нас по-настоящему свободными. Свободными не от других людей, а от наших собственных ограничений: от страха смерти, от атактистического эгоизма, безразличия, трусости, из-за которой мы все реже откликаемся на призыв о помощи и проходим мимо тех, кто в ней нуждается.

Мы должны освободиться от мысли, что можем навязывать другим свои капризы; мы должны освободиться от демагогии. Человек имеет право не только на кусок хлеба и одежду; Боже мой, ведь каждый из нас имеет право на чувство собственного достоинства! Нищий, плохо одетый, опустившийся, но все-таки сохранивший на лице какие-то знаки чувства собственного достоинства, выше человека, одетого в золото и бархат, в чьих глазах нет жизни, ибо в глубине своего сердца он предал свою совесть... Достоинство делает человека вертикальным, благодаря ему мы отличаемся от животных. Поэтому мы должны отстаивать свое достоинство. В нашем Новом Мире, в нашем восхождении к Новой Свободе нам абсолютно необходимо познать самих себя, нам надо знать, где мы находимся, научиться уважать других людей, себя и всё, что нас окружает. Уважать не только людей, но и древние символы, животных и растения, потому что все они имеют право жить в более справедливом и более светлом мире.

И та свобода, о которой мы говорим, есть повиновение законам природы. Кто больше свободен, чем Солнце? Кому под силу остановить Солнце? Тем не менее Солнце циклически появляется и исчезает, оно движется своим путем среди звезд, будучи связано со всей Галактикой, со всем Млечным Путем, эволюционируя в этой необъятной темноте – оставаясь само по себе светом!

Мы хотим стать подобными Солнцу! Мы должны снова научиться понимать символы природы, символы, которые не нуждаются в толкованиях псевдофилософов, объясняющих их малопонятными словами в странных книгах, которые мало кто читает. Мы должны снова начать читать в книге природы, должны снова расцветать вместе с цветами, уходить в землю

вместе с корнями, течь вместе с водой, гореть вместе с огнем... И любить, жить, развиваться, чувствовать и мечтать вместе со всем человечеством, невзирая на различия, которые могут существовать между нами. Потому что у души, дорогие друзья, нет ни расы, ни цвета, ни пола, ни ушей, ни бороды. Душа гораздо выше всех этих внешних признаков. Вот основная мысль, из которой мы исходим.

Свобода, великая свобода, к которой мы стремимся, – это новая свобода, она основана не на рассуждениях, не на придуманных формах, а на проживании – сначала индивидуальном, а затем коллективном – законов природы. Ибо, как утверждает Платон, только послушание делает нас свободными. Имея при этом в виду не повиновение другому человеку, не очередную клетку, пусть даже золотую, а соблюдение закона природы, который мы несем в себе. Это и будет то «Я есть! Я есть!», которое не вредит другим. Другие тоже должны иметь возможность сказать: «Я есть!» Пусть у каждого будет возможность утвердить свою свободу так, как он ее понимает. Дорогие друзья, сегодня вновь зарождается диалог. Давайте снова сядем за один стол, будем петь древние песни, соединим наши сердца, попытаемся снова ощутить тепло огня, постичь полет птиц и шепот морских волн, набегающих на берег. Вот тогда мы станем по-настоящему свободными. Вот к чему я призываю всех – к гордому и радостному движению навстречу Новой Свободе!

Х. А. Ливрага. Какие возможности я имею в жизни?

Лекция

Те, кто со мной знакомы, уже знают, что мои лекции – это не просто передача информации, и для вас это не просто возможность узнать что-то новое. Наша система обучения совершенно иная и, быть может, самая древняя из всех, что существуют в мире. Она строится таким образом, чтобы в беседе затрагивать то, что для вас по-настоящему важно, давать объяснение тому, что вы чувствуете, но не можете осознать.

И я, и все мы убеждены, что всем людям, независимо от их образованности, возраста или социальных условий жизни, присуща внутренняя способность иметь прямую, вполне реальную связь с истиной. Нужно только, чтобы иногда кто-нибудь, у кого было больше времени, чтобы убедиться в этом, напоминал каждому из вас, что у вас эта способность есть. Эти вступительные слова я говорю для тех, кто пришел сегодня в «Акрополь» в первый раз, чтобы познакомить вас с нашим взглядом на изучение той или иной темы.

Сегодня мы поговорим о разных подходах к жизни, которые может выбрать каждый. Тема эта очень, очень стара – с тех пор как человек существует, он задает себе вопрос: «Какие возможности я имею в жизни?» Во все времена у него было три возможности, три альтернативы.

Во-первых, человек может считать, что все четко предопределено, что Бог, или Космический разум, или как бы еще мы его ни называли, устроил все во Вселенной совершенно определенным образом и мы не можем изменить ничего, ни малейшей детали. И даже когда мы думаем, что совершаем что-то по собственной воле, на самом деле это не так, наши действия заведомо обусловлены. Нечто невидимое и магическое воздействует на нас и неотвратимо ведет туда, куда мы должны идти, – к своей участи. Это один из возможных подходов к жизни, который может выбрать человек, и, как видим, эта позиция может стать достаточно жесткой.

Другая позиция совершенно противоположна первой. Ее сторонники заявляют, что нет никакой предопределенности ни в историческом развитии, ни в жизни человека, ни в космосе; что все происходит не по какой-то причине, а случайно, просто потому, что сейчас мы находимся здесь, но могли бы быть в любом другом месте. Иными словами, было вовсе не обязательно, чтобы в нашей жизни произошли именно те события, которые произошли; ну просто случилось это, как могло бы случиться и что-то другое. Мы кого-то любим, с кем-то дружим, ссоримся, конфликтуем, но на месте этого человека мог бы быть любой другой. Получается, что именно мы выбираем все события, которые с нами происходят, то есть мы сами ответственные – и ответственные в полной мере, почти по-кантовски категорически – абсолютно за все, что с нами случается. Мы сами хозяева своей судьбы. Как видим, эта позиция тоже слишком жесткая.

Давайте задумаемся об этих двух вариантах. Согласно первому, человек полностью зависит от судьбы и никакими действиями не может ее изменить, не может определять то, что происходит с ним самим, с другими людьми, с природой. Однако с философской точки зрения у этой позиции есть один большой недостаток. Если все заранее определено и мы не несем никакой ответственности, почему тогда мы страдаем? Для чего существует боль? Очевидно, что боль является сигналом, она предупреждает нас на различных уровнях нашего сознания о том, что что-то идет не так. Боль дает мне знать, когда у меня болит зуб, или кто-то наступил мне на ногу, или когда меня предают. Боль становится каналом сознания, она предупреждает о том, что надо вернуться на путь, который мог быть или не быть определен заранее.

Таким образом, само существование боли является главным аргументом против первой позиции. Если бы мы жили во Вселенной, где абсолютно всё, целиком и полностью, было заранее спланировано, какой смысл был бы в том, чтобы испытывать боль? Никакого. Страдание было бы беспричинным. Нам пришлось бы поверить в сумасшедшего Бога, Бога-насмешника, который смеется над нами и нашими страданиями, приговаривая: «Как хорошо, как они страдают!» Такой образ Бога-садиста не может соответствовать нашей концепции Бога, поскольку он был бы всего лишь отражением извращенной садистской природы некоторых людей, которых вряд ли можно назвать людьми.

Но другая позиция, согласно которой в нашей власти изменить все, что нас окружает, также имеет свой недостаток. Все ли мы, например, хотим умереть? Думаю, что нет, думаю, что есть много людей, которые не хотят умирать. Есть много людей, которые не хотят стареть или болеть, однако же стареют и болеют. Если бы мы по собственной воле могли, прямо или косвенно, полностью изменить свою природу, наверное, было бы много людей, которые не умирали бы и не старели, – в общем, были бы не такими, как сейчас. А посему очевидно, что в данный момент, здесь и сейчас, есть вещи и обстоятельства, которые нам не под силу изменить. Мы видим, что эти две полярные позиции имеют принципиальные недостатки, помимо многих других «за» и «против», которые мы можем отыскать. Но в основном мы сталкиваемся с этими двумя основными трудностями.

Однако может существовать и третья позиция. Согласно ей, даже если в общем и целом все обусловлено, мы все же обладаем некоторой свободой. Это позиция самых древних философских школ как Востока (на санскрите ее называют *viveka*), так и Запада, где есть идея «свободы выбора». Эта позиция предполагает, что мы можем быть свободными в тех границах, которые нам устанавливает Бог или Природа, в определенные моменты и в определенном месте.

Например, если я нахожусь в самолете, который летит на высоте 10 000 метров, я могу свободно пойти помыть руки, выпить минеральной воды или бокал вина, почитать книжку, но я не могу свободно открыть дверь и выйти из самолета. Нет, я, конечно, могу это сделать, но я погублю и себя, и остальных пассажиров, то есть в этом поступке нет никакого смысла. Я могу свободно, например, подстричь себе ногти, но у меня нет свободы подстричь себе перья, потому что перья у меня не растут. И моя философская проблема заключается как раз в том, что я не могу отстричь то, чего у меня нет, а свободен отстричь только то, что у меня есть. То есть я могу повлиять на рост только того, что вижу, что чувствую, что воспринимаю. Эта третья философская позиция представляется интересной.

В настоящее время, помимо обозначенных трех, появилась и еще одна, четвертая позиция – не философская, а просто человеческая, которая стала следствием отчаяния, порожденного нашим временем. Все мы знаем, что Запад сейчас переживает кризис, и не новость, что кризис затронул и Испанию. Под его влиянием люди, не зная, зачем делать тот или иной выбор, предпочитают не делать вообще никакого выбора и оставить все как есть. Но не потому, что они согласны с тем, что все предопределено, предустановлено и хорошо продумано. Они считают, что нет ничего предопределенного, ничего хорошо продуманного. Не существует ни Бога, ни вселенной, ни души – ничего. Единственное, что действительно существует, – это то, что я могу потрогать и увидеть. И зачем я буду беспокоиться по поводу выбора, если это удел стариков? Выбор совершают те, кто озабочен вопросами этики и эстетики, а у меня нет таких вопросов, я человек раскрепощенный. Так зачем мне делать выбор? Я ничего не выбираю, я делаю что захочу.

Такая позиция не совсем философская. Никто не делает того, что хочет. Иногда кто-то может показаться нам весьма свободным и заявлять, что делает все, что хочет; к примеру, подросток красит волосы в зеленый или синий цвет. Но это не свобода, а потакание собственным инстинктам. То есть внешне человек вроде бы никому не подчиняется, но зато подчиня-

ется внутренне – своим животным инстинктам, которые заставляют его носить определенную прическу, заставляют пришить сердечко из ткани в том месте на брюках, которое мы обычно не упоминаем, заставляют вести себя вызывающе. Это не проявление свободы, это внутреннее смятение, уход в себя, глубоко внутрь, до того предела, где человек встречается с инстинктами. Когда инстинкты и ощущения, живущие внутри, выходят наружу и превращаются в наш способ восприятия, нам уже трудно с ними справиться.

Вчера на лекции из курса «Сравнительное изучение религий» мы с учениками обсуждали один из китайских священных текстов, который хранит слова Будды. Мы говорили о знаменитой истории, произошедшей с Сиддхартхой Гаутамой, принцем Капилавасту, когда он захотел познать мир. Мудрецы предсказали, что, если принц познает этот мир, он посвятит себя мистике и религиозному обучению. Поэтому его отец, который хотел, чтобы сын стал его наследником, поселил принца в мраморном дворце с огромными садами, в окружении только красивых людей, чтобы тот не смог увидеть ничего плохого, что есть в мире. Но юноше было любопытно увидеть настоящую жизнь, и он сказал отцу, что хочет посмотреть мир. И тогда отец подготовил для него экскурсию по городу, на которой все было специально организовано: чистые дома были украшены гирляндами, все люди были юными и красивыми, приветствовали его песнями, и повсюду порхали птицы. Всё было совершенно. Но, как рассказывают тексты, дэвы, существа света, желая испытать душу принца, сделали так, чтобы это очарование исчезло. И тогда Сиддхартха Гаутама увидел сгорбленного человека, ноги его дрожали, он опирался на палку. Принц спросил у своего возничего, который был его наставником, как Кришна у Арджуны в Бхагавадгите: «Кто этот человек, что с ним случилось, почему он сгорблен, почему он едва может идти и опирается на палку?» Возничий ответил: «Господин, это старик». И Сиддхартха воскликнул: «Несчастный! Полагаю, это случилось только с ним?» – «Нет-нет, – ответил возничий, – по правде говоря, Ваше Высочество, все мы в конце концов стареем». Так он рассказал принцу правду. Сиддхартха погрузился в молчаливые размышления, ужасаясь тому, что жизнь человека так печальна. «Получается, все эти красивые девушки, которых я вижу, и эти статные юноши, полные жизни, однажды станут такими же сгорбленными стариками с потухшим взором?» Вслед за этим дэвы сделали так, чтобы на пути принцу повстречался больной, по описаниям, предположительно прокаженный. Его лицо, руки и все тело было изуродовано язвами. Принц опять спросил у возничего: «Что с ним случилось? Его плоть разрушается, руки дрожат, его лицо обезображено, на голове местами выпали волосы и виден череп. И кажется, он испытывает сильнейшую боль. Что с ним случилось?» – «Господин, – ответил возничий, – это больной...» – «И все люди болеют?» – «Да, господин, все мы можем заболеть в любой момент». – «Как печальна участь человека, – подумал Сиддхартха, – если, каким бы здоровым он ни был, в любой момент из-за порыва ветра или вредных болотных испарений он может заболеть и так страдать!» Он продолжил путь и встретил похоронную процессию – группу людей, которые несли на носилках умершего. Увидев это, Сиддхартха Гаутама спросил: «Кто этот человек? Что с ним случилось? Почему он так бледен и недвижим? Почему его несут на носилках?» – «Господин, это умерший». – «А что такое умерший?» – «Это человек, которого покинула жизнь, мысли оставили его, и теперь он словно вещь, словно дерево или камень...» Сиддхартха не успокаивался: «Но неужели это тоже ждет нас всех?» – «Да, господин. Это неизбежный удел каждого. Мы все проходим через старость, болезнь и смерть. И этого нельзя изменить». И тогда принц Сиддхартха подумал, что, возможно, жизнь сама по себе не имеет смысла, что нужно искать этот смысл, нужно искать причину жизни и то, что скрывается за всем этим – за всем этим злом, за всей этой болью, за всем этим страданием.

Герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата» Арджуна на своей колеснице, которой правит Кришна. Именно Арджуне перед боем

Кришна возвещает свое учение «Бхагавадгиту». Ришикеш

Внутренний вопрос «почему?» – вопрос сугубо философский. Хотя мы не применяем ни диалектических, ни риторических приемов, не пользуемся силлогизмами, как Сократ или Аристотель, тем не менее этот вопрос, это «почему?», этот глас вопиющего в пустыне, как говорится в Библии, является глубоко философским. И этот голос мы слышим и сегодня, потому что точно так же задаем самим себе вопрос: «Почему?»

Это беспокойство, свойственное всем живым существам. Это естественный вопрос – каждый человек задает себе вопросы: «Почему со мной случилось это? Почему со мной не случилось другого? Почему я сегодня такой, а завтра другой? Почему одни люди рождаются здоровыми, а другие больными; одни рождаются богатыми, а другие бедными? Почему кто-то красив, а кто-то уродлив? Почему добрые умирают, а злые продолжают жить?» На эти фундаментальные вопросы сложно ответить, оставаясь в плоскости вопроса и не поднимаясь на уровень ответа. Я хочу сказать, что, если мы останемся в рамках вопроса, мы никогда не сможем выйти за эти рамки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.